

Большинство девчонок Алке завидовали, и Бона знала об этом. Бесконечные любовные истории сокурсниц, удачные и не очень, приносившие массу огорчений, ее забавляли, но она с удовольствием принимала участие в их обсуждении. Во-первых, для удовлетворения собственного любопытства, а во-вторых, для сравнения этих историй со своими, никогда не имевшими для Алки сколько-нибудь серьезного значения. В конце концов, она пришла к весьма приятному выводу о том, что несчастным сокурсницам приходится гораздо тяжелее, чем ей. Они в большинстве своем находились в постоянном поиске. Им надо было непременно кого-то любить, пусть даже и безответно. У Алки никаких таких желаний не возникало. Ну да, конечно, не в красоте счастье и ни в коем случае не в деньгах, главное-то у нас, понятное дело, душа и разные там высокие чувства. В общем-то, согласиться со всем этим можно, если, кроме души и высоких чувств, ничего больше и нет.

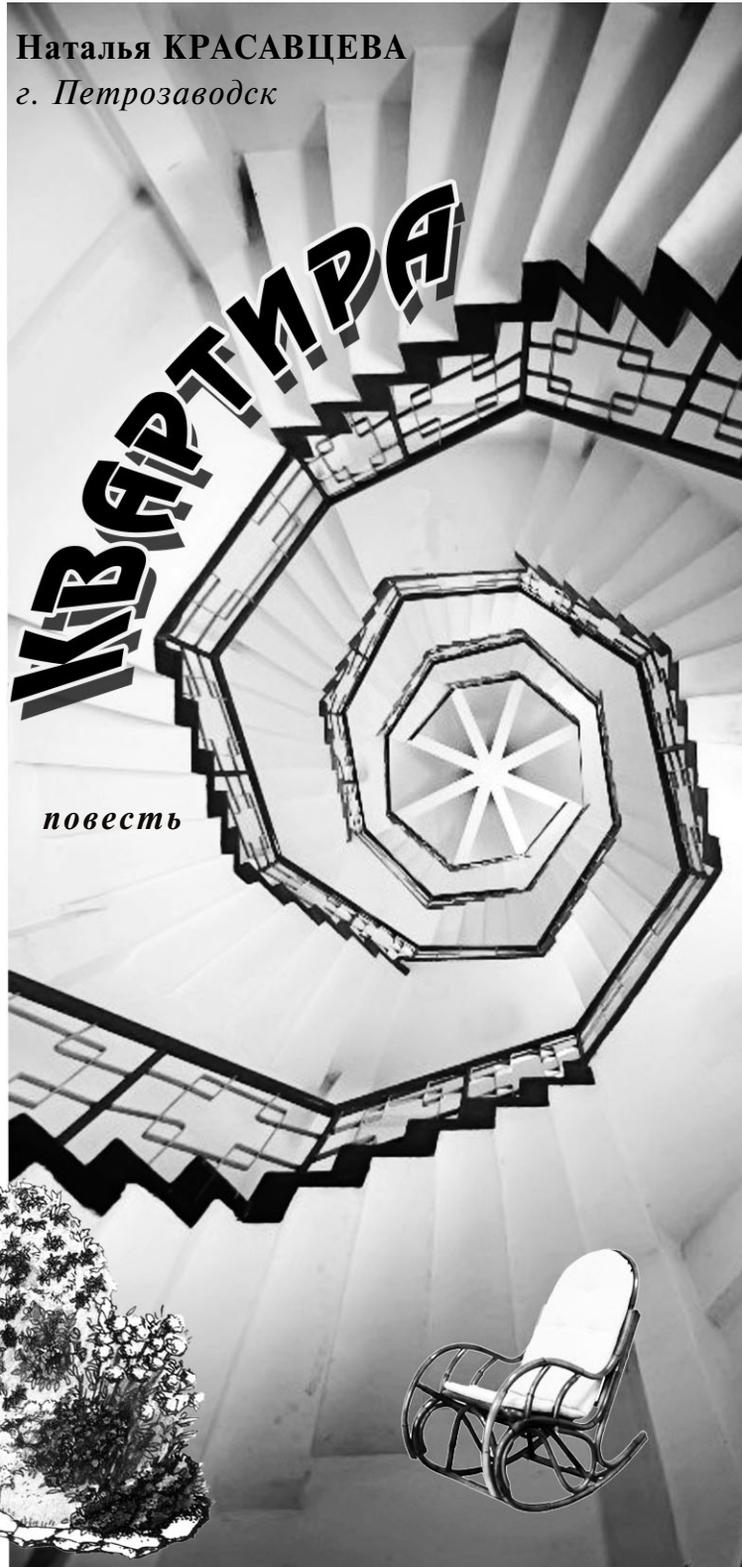
Или вот красота. Что это такое? Это когда классические черты лица, высокий рост, царственная поступь и стать? Или выразительные огромные глаза, когда все остальное не подлежит никакой критике (зубы, к примеру, или нос)? Себе-то Алка знала цену и могла спокойно махнуть маленькой ручкой на классический эталон, да и на все остальное тоже. Да, действительно, сибирячка, а ростика небольшого, уже к красавицам не отнесешь. Сложена вполне обыкновенно, с недостатками фигурка, но ничего. Но вот личико! Самая что ни на есть неклассическая куколка! Мелкие светлые кудряшки собраны в «бабетту», модную прическу, получившую название от французской кинозвезды Брижит Бардо. Высокая «бабетта» и каблучки делали Алку повыше и постройнее. Дальше — никаких выразительных огромных глаз, но небольшие голубенькие ее глазки трогательно сочетались с соломенно-го цвета куд-

Наталья КРАСАВЦЕВА

г. Петрозаводск

КВАРТИРА

повесть

ряшками, чуть вздернутым прямым носиком и аккуратным небольшим ртом. Когда Алка смеялась, обнажались белые мелкие, как у мышки, зубки, что было лицемерно тоже весьма приятно. Одним словом — очаровашка! В нее влюблялись все подряд: немногочисленные сокурсники мужского полу с филфака, ребята с других факультетов университета, преподаватели, прохожие на улице. И никого из них абсолютно не интересовала никакая душа, потому что влюблялись тут же, бросив один-единственный взгляд на Алку-куколку. Высоким хотелось уберечь это хрупкое создание от видимых и невидимых угроз, а небольшим — быть вровень или чуть выше ее и тоже чувствовать себя на некоей высоте, хотя бы по признаку сильного пола.

Кроме редкостных внешних данных, Алка обладала и другими, не менее значимыми качествами. Она сама шила, распарывала, перешивала, перекрашивала, вязала, вышивала и умела делать всевозможные прически. Вот эти достоинства да плюс ее миленькое личико делали Алку совершенно неотразимой, тем более что в годы ее молодости модно одеться было довольно сложно — в основном народ жил скромно. Ну, и к разным там перешиваниям и перекраиваниям относились плохо, даже с долей презрения. Как, впрочем, и всегда. Мы, мол, выше всякого сидения с ниткой да иглой. В общем, бедные, но гордые, хотя на самом-то деле просто во все времена мало кому приходила охота утруждать себя рукоделием. Так что Алка, усердно занимавшаяся шитьем, как заморская птичка, порхала среди однокурсниц, одетая по моде и со вкусом, тут уж сказать было нечего.

Окруженная вниманием мужчин всевозможного возраста, она не особенно обращала на них внимание, так как они всегда были под рукой. Да и поведение их оставляло желать лучшего. Казалось, что каждый только и мечтал о том, как бы спрятать Алку куда-нибудь в карман, принести домой и любоваться до одурения ее прелестями, ну а потом и все остальное... Кстати, однокурсник Борис почти что так и сделал. Но, надо честно признать, не довел намечавшееся приключение до логического конца. Вообще, он как-то выбивался из студенческой среды. Борис был старше остальных, крепкого сложения и при деньгах, что по тем време-

нам случалось редко, исключая так называемых «стажников», то есть тех, кто до поступления в вуз работал, и ребят, отслуживших в армии. Они-то обычно работали и во время учебы на дневном отделении в каких-нибудь кочеварках, но только не Борис. Ходили слухи, что он фарцовщик, и как его угораздило оказаться в универе, оставалось для всех загадкой. Вот на его призывные взгляды Алка благосклонно отвечала кокетливыми движениями плечиков и даже приняла в подарок наимоднейшую атласную косынку, которую мог достать только такой предприимчивый ухажёр, как Борис.

— Зачем ты взяла косынку у этого проходимца? — возмутилась одна из сокурсниц.

— А тебе-то что до этого? — нисколько не обиделась Алка. — Взяла и взяла! От него не убудет. Подумаешь — косынка! Неужели этот пустяк меня к чему-то обязывает?

Однако «проходимец» был другого мнения. Получив отказ встретиться, он как-то вечером подкараулил Алку у выхода из библиотеки и, крепко обхватив рукой за талию, буквально «пришпилит» несчастную к широкому поясу своего модного зимнего пальто. В таком виде он провел Алку по главной улице города, где эту парочку видели некоторые знакомые. Чтобы окончательно не опозориться, Алка вынуждена была как ни в чем не бывало вприпрыжку то бежать, то семенить рядом с высоким Борисом, что вызывало усмешки и косые взгляды прохожих. На этом роман окончился, но косынку Алка не отдала. Случались и другие казусы, хотя и они заметного следа в ее душе не оставляли. Не тревожили сердце хорошенькой блондинки и те, кто по неосторожности увлекались ею всерьез. За всех переживать, что ли? Ну, улыбнулась, ну, перекинулась парой слов — и что? Не тратить же время на каждого «безлошадного», иначе говоря «бесквартирного». Ну не в общезнание же с таким идти?!

Алка обладала еще одним неоспоримым достоинством — она легко и хорошо училась. Просто удивительно было смотреть в ее голубенькие небольшие глазки и при этом знать, что в Алкиной кудрявой головке гнездится куча всевозможных знаний по разным наукам. Сразу после школы она без труда поступила на физико-математический факультет, где в те годы был огром-

ный конкурс, проучилась там год, на «отлично» сдала все экзамены за первый курс и благополучно бросила учебу. Ей не составило никакого труда в этом же году поступить на филологический, где тоже был конкурс, но поменьше — человек семь на место. Она и здесь умудрилась без особого напряжения сдать все на «пять» и быстро обзавестись кавалерами, коих на этом факультете было крайне мало.

В лучших подругах у нее числилась дочь состоятельных и известных в городе людей, со школы еще приятельствовала с двумя одноклассницами, тоже не из простых. Да и у Алки были вполне приличные «предки» — врачи, не столь важные, как у подруг, но ничего. Оставалось найти достойного спутника жизни, о чем она всерьез задумалась, перейдя на третий курс. Основательно мысли об этом стали приходиться ей в голову осенью, когда курс был отправлен «на картошку». Так принято было в те годы — помогать колхозам убирать урожай. В основном отдувалось студенчество да молодежь из техникумов и училищ, а сотрудники других учреждений и организаций ездили обыкновенно на день-другой.

— Понимаете, девчонки, — говорила Алка после тяжелого дня в поле, лежа у натопленной печи и мечтательно глядя в потолок, — время-то идет. Замуж вообще-то надо. Вот вы о чем думаете? Напахались и еще на какие-то танцы спешите. Куда? В этот деревенский клуб? С ума сошли! Я уж сто раз пожалела, что приперлась сюда. Никакого труда не составило бы остаться в городе. Родители организовали бы любую справку, так ведь нет, перемен захотелось! Хоть бы Андрей приехал, что ли...

— Так он ведь после лекций за баранку садится, — возразили подружки.

— Ну и что! Если любит, то приедет, куда денется! — поджала губки Алка.

Деваться Андрею и в самом деле было уже некуда. Приехал он в Сибирь с южных широт огромной страны, а именно с той части Ставрополя, что граничит с Дагестаном. Как говорил он сам, «кровей разных народов» намешано в нем оказалось немало, но все-таки большинство его ближайших родственников были по происхождению лезгинами, а дома предпочитали говорить как на русском, так и на родном языке. Службу в армии пришлось проходить в суровой

и далекой Сибири. Но Андрею этот край понравился, здесь он и решил учиться дальше. Смуглый, худощавый, с тонкими чертами лица, Андрей вызывал понятное любопытство, особенно у девчонок. Жил он не в общежитии, а на квартире, что могли себе позволить не многие приезжие, но все равно относился к числу «безлошадных», как их именвала Алка. На скромную квартиру он подрабатывал шофером на стройке, поэтому какие-то деньги у него водились. И вот встреча с этим красавчиком сыграла-таки с ней злую шутку. Вроде как увлеклась. Собственно, и в колхоз из-за этого уехала. Решила, что за месяц на уборке картошки все ее увлечение выветрится. Зачем ей он — хоть и красивый, но без ничего? Так оно и вышло. Уже на третий день она почти забыла об Андрее. Но вот позже, изнывая от монотонной деревенской жизни, да еще с какими-то нормами сбора картофеля, Алка вспомнила о смуглом поклоннике. Студентов разместили по частным домам, так как в колхозе не было общежития, только холодный клуб. Стояла осень, сибирские дороги размыло дождями, уехать на выходные домой не было никакой возможности, машины ходили крайне редко, и то — грузовики. Как тут не вспомнить об Андрее?..

Работающий он был, но самолюбивый. Другой уж давно что-то придумал бы, покрутился перед начальством на своей стройке да и приехал в этот чертов колхоз. Размышляя об этом, Алка вспоминала, как все восхищались ими, когда они появлялись вместе. А что же не восхищаться? Не обратить на них внимания было просто невозможно. Маленькая блондинка и стройный смуглый горец как будто были созданы друг для друга. Тут вам и контраст, и молодость, и горячая любовь, бурлящими потоками изливавшаяся из глаз Андрея.

Ради Алки он все же «выкрутился» и в один прекрасный день примчался на пыльном грузовике к возлюбленной с пакетом дорогих конфет и фруктов. Домашние припасы к тому времени у девчат были съедены. Питались, как деревенские, картошкой, свеклой и прочей нехитрой пищей. Студентов разместили по домам, четверым из них, включая Алку, с хозяйкой повезло. Она угощала душистым домашним хлебом, соленьями, разрешала пользоваться всем, что было в доме. Но продукты, которыми питались го-

родские жители, попадали на деревенский стол по большим праздникам. Не голодали, конечно, городские девчонки, но завтракать кружкой жирного молока и краюхой хлеба тоже не привыкли. И вот — праздник! Причем не только для Алки. Она великодушно всех угощала и дала понять влюбленному, что совсем не против его последующих визитов. Он стал ездить через день, преодолевая большие расстояния, осеннюю слякоть и возможность попасть на глаза начальству, не разрешавшему пользоваться грузовиком в личных целях.

В один из приездов Алка с Андреем направились на романтическую прогулку в ближний лесок. Когда уже к вечеру вернулись в дом, там никого не было. Хозяйка ушла к соседям, оставив гостям свой чудесный хлеб и литровую банку бражки, а девчонки потащились на танцы.

— У нас бражку не пьют, — сказал Андрей, хлебнув глоток сладкой мутноватой жидкости. — А вкусно! У нас такое перегоняют.

— И что получается? — полюбопытствовала Алка.

— Если сырьем был виноград, то чача, — улыбнулся Андрей.

— Дай-ка и я попробую, если вкусно, — засмелась она в ответ.

Она устала и от картошки, и от прогулки, и от запаха осенней прелой листвы в лесу. В душе поселилось томительное ожидание чего-то... Алка, как и Андрей, бражку тоже никогда не пробовала и вообще к спиртному относилась равнодушно, даже отрицательно. Но бражка оказалась действительно приятной на вкус, напоминала домашний компот из сухофруктов, потому что хозяйка добавила туда изюму. Алка сделала еще один глоток, потом еще один... Постепенно Андрей, сидевший напротив за столом, становился все красивее и притягательнее. Он что-то говорил и говорил, потом замолчал. Банка опустела, Алка смутно догадывалась, что это она выпила почти весь «компот». Ей стали приятны осторожные объятия Андрея. Потом, как в плохом кино, ветер распахнул окно, комнату залили ароматы осенних трав... А спустя какое-то время Андрей шептал о том счастье, которое только что познал, и уже весьма настойчиво предлагал руку и сердце. Уехал поздно, почти ночью, когда все пришли домой.

— Не знаю, — вслух раздумывала Алка ранним утром, разгуливая по кухне в халатике, — надо ли за него выходить...

— Ты что! Такой красавец, так любит тебя! — воскликнула Надежда, однокурсница, с которой Алка училась в одной школе. — О чем тут думать?! Тем более что...

— Что? Тем более «что»? — раздраженно спросила Алка, расставляя посуду для завтрака. Девчонки, ожидавшие откровений, даже о своих чашках позабыли.

— Ну как... — растерялась Надежда. — Все-таки в первый раз...

— Ну и что? — невозмутимо возразила Алка и вдруг сорвалась: — В первый или нет, какая разница! Квартиры-то у Андрея нет!

После неловкого молчания, чтобы сменить тему, девчонки вспомнили вечерний разговор с хозяйкой. Та, как и все деревенские, радовалась приезду студентов, потому что появилась возможность и на своих огородах относительно спокойно поработать, собрать без спешки свой урожай да по грибы и ягоды в лес сходить. Земля в тот год родила невиданный урожай картофеля и других овощей, колхозное добро убирать еле успевали, поэтому на свое сил и времени катастрофически не хватало, а тут — такая подмога! Городской молодежи непонятна была эта радость деревенских: и так столько работы в колхозе, а они без памяти от счастья, что еще и на себя появилась возможность повкалывать.

— Господи, что это за жизнь! — обращалась накануне вечером к хозяйке Ира. — Вы только зимой отдыхаете?

— Зимой просто меньше работаем, — сдержанно отвечала та. — А скотину куда денешь? Ее ведь кормить надо! Молоко, небось, вкусное пьете?..

Девчонки соглашались: да, вкусное и сытное. Но в городе обезжиренное лучше, привычнее. А как представишь сибирскую зиму в этой глуши...

В поле их отвозили на грузовике, на нем же и отправляли вечером по домам. Днем кормили какой-то баландой, которую готовили тут же в поле, а уж после трудового дня варили картошку, хозяева обычно давали растительного масла, соленых грибов, иногда рыбой угощали. Вечерами в клубе начинались танцы «до упаду», как шутили деревенские. Иногда они заканчивались выяснением отношений при-

езжих студенток с местными красавицами, так как немногочисленное мужское деревенское население с приездом городских барышень обращало свои пылкие взоры исключительно на них — накрашенных и одетых по моде.

Допивая молоко вприкуску с ароматным домашним хлебом, девчонки за кухонным столом возбужденно загалдели, вспомнив вчерашние танцы. Алка же в ежевечернем танцевальном марафоне участия не принимала. Бесцеремонно перебив смеющихся девчат, в продолжение разговора о своем будущем она заявила:

— Вот что я ночью решила. Нам тут еще целых три недели торчать, поэтому есть время подумать... А заодно и посмотреть, что он будет делать после всего.

— А если ничего не будет? — с сомнением откликнулась Надежда, отодвигая от себя кружку.

— Может, и к лучшему, — равнодушно ответила Алка. — В мои планы не входило выходить за него.

— Послушай, а как это — впервые? — не унималась любопытная Ирина. — Ты испугалась?

— Ой, как тебе не надоело! — хмуро отозвалась Алка. — Ну, все нормально. Он ласковый, думаю, опыт у него есть. Он ведь уже взрослый, армию отслужил. Работает. Так что все в порядке.

— Да я не про то... — многозначительно улыбнулась милостивая Ира, накручивая на палец прядь русых волос. — Ты, наверное, переживаешь?

— С чего бы мне переживать? — Алка самоуверенно усмехнулась. — Куда денется Андрей! Теперь, наверное, каждый день ездить будет, присматривать, чтобы я с кем другим в лес не отправилась.

Девчонки ловили каждое слово Алки. Счастливая! Даже и не переживает ни за что. Все наперед знает. Чему, впрочем, удивляться? С такой-то мордашкой и они все в ус не дули бы, исключая, пожалуй, Надежду.

Пора было одеваться, но девчата не торопились.

— А я думала, что такой момент должен быть значительным, волнующим, — мечтательно протянула Надя. — Ты отдаешься любимому человеку, и он отвечает тем же... Это должно быть так прекрасно!.. А потом — любовь на всю жизнь! —

Она взглянула на Алку и неуверенно добавила: — Лучше бы, конечно, когда после свадьбы...

— Ну во-о-от, наконец-то! — насмешливо протянула Алка, будто только и ждала таких слов. — А если девушкой никто не интересуется? И вот случай настал. Так ей что — так и сидеть, хранить свою чистоту неизвестно для кого? Свадьбу, что ли, ждать? Которой, возможно, и не будет никогда? А вот еще вариант — все идет как надо, но вы не подходите друг другу?

Девчонки удивленно переглянулись.

— Я имею в виду физиологически, — пояснила Алла со знанием дела.

— Когда любят, то подходят, — убежденно произнесла Надежда, которая, к слову сказать, никакого опыта в сердечных делах не имела. — И потом — кто-нибудь обязательно каждой из нас когда-то заинтересуется... Надо стараться, чтобы заинтересовались...

— А как это — стараться? — Ирина даже подпрыгнула на лавке от любопытства.

— Ну... Я точно не знаю, — смутилась Надежда. — Думаю, надо красиво одеться, научиться что-то хорошее рассказывать, его слушать, если даже совсем неинтересно...

— Ладно, мечтательницы, — перебила Алка, — вон грузовик под окнами. Кошелки для картошки не забыли? А то вечером есть нечего будет! Сколько можно на шее у хозяйки сидеть! — Алка поднялась из-за стола и скомандовала:

— Одеваемся!

Оставшиеся три недели подруги жили припеваючи. Андрей приезжал часто, денег ни с кого не брал, зато кормил разной вкуснятиной. Баланду и картошку днем, конечно, ели, но по вечерам питались исключительно городской пищей. Теперь даже дежурство установили по кухне. Одна из четверых оставалась в доме, готовила и прибиралась, а трое выполняли ее норму в поле.

Не прекращались разговоры о последующей жизни Алки. Каждая планировала Алкино житье-бытье на свой лад, но сходились в одном — нет лучше жениха, чем Андрей. На все высказывания в его пользу Алка отвечала одним вопросом:

— А квартира?

— С твоими родителями поначалу жить будете,

— успокаивала Надежда. — Все так поступают! Можно еще в район поехать, там жилье дадут!

— Еще чего! — возражала непримиримая Алка.
— Что я забыла в районе? Все деревенские в город норвят попасть, у нас вон целую группу троечников из них на факультете организовали, а я на их место поеду, что ли?

Доводы, конечно, были вескими. Собственно, из-за деревенских и тех, кто поступал, имея стаж работы, и образовался такой большой конкурс среди выпускников городских школ. Тем-то и на тройки можно было сдавать, все равно прошли бы.

— Ну да, — соглашалась Надежда. — Только Андрюшку жалко.

— Боже мой, жалко им! Да его нарасхват разберут, если я не соглашусь! Только вот замуж пора. Ну и Андрей лучше других, даже нравится мне, — признавалась Алка.

— Послушай, — продолжала сентиментальная Надежда, — может быть, вы потом получите квартиру?

— Может быть, — задумчиво прикидывала Алка, — только для этого Андрею надо будет не по специальности работать, а на стройке остаться. Кстати, это идея! В общем, так: если на стройку пойдет, тогда и разговор будет.

* * *

Андрей соглашался на любые условия, поэтому уже в городе влюбленные решили подкопить денег на студенческую свадьбу, а пока встречались у Андрея в его съемной квартире. Как-то раз случилось, что без предупреждения приехала его мама, решившая сделать своим неожиданным появлением сюрприз сыну. Стук в дверь застал молодых любовников полураздетыми, Андрей пошел открывать двери. Алка принялась спешно одеваться, а растерянный сын, которому ничего не оставалось, как впустить мать, торопливо пояснил ей:

— Мама, это моя жена.

Алка поздоровалась, извинилась, сославшись на занятость, и ушла, как она объяснила, по неотложным делам, хотя время было вечернее. Андрей начал было суетиться возле матери, но она сама, еще в пальто, прошла в кухню, присела на табуретку возле стола и вдруг расплакалась.

— Сынок, почему же ты ничего не написал? — немного успокоившись, спросила она. — Что я скажу родне? У нас, ты знаешь, так не делается. Позор какой! Надо было свадьбу настоящую сыграть. По всем правилам. А то что же это? И как ты здесь, бедный, живешь? Говорили тебе, возвращайся домой после армии, человеком будешь... Наш род не из последних! Ютишься в нищете, женился кое-как! И что тебе твой диплом здесь даст? Так нищим и проживешь!

Пока мать причитала, Андрей согрел чай и терпеливо ждал, пока она выговорится. Он смотрел на милое постаревшее лицо, не очень слушая, о чем она говорит, общий смысл ее слов и так был понятен.

— Ну что ты, мама, — сказал наконец он, — зачем переживания! Все хорошо. Мой диплом, считай, уже в кармане. Аллочке еще немного учиться осталось. Мы любим друг друга. Ее родители пока тоже не знают, что мы поженились. Так уж получилось. Давай поговорим сначала о тебе, а потом о нас.

— Да какая там любовь! — мать перестала всхлипывать. — Вижу я все. Может, ты и любишь ее, а вот она... Разве так встречают в первый раз свекровь? — Она покачала головой. — Убежала... Ты посмотри на нее, ветер в голове, избалованная... Не думала, что встретимся так...

Она махнула рукой и принялась торопливо распаковывать тяжелые сумки, извлекая гостинцы для сына — домашнюю колбасу, окорок, соленья в банках, свежие приправы. Комната наполнилась ароматами юга, у Андрея защемило сердце, он обнял мать.

— Мама, Алла хорошая... Но, понимаешь, здесь не так, как у нас в семье... — Андрей на ходу придумывал историю своего знакомства и женитьбы. — Ты прости, что не предупредил тебя, но мы планировали летом приехать в гости. Можно и во второй раз устроить свадьбу! А что дальше — жизнь покажет.

Мать высвободилась из объятий сына и заглянула ему в лицо:

— Забыл ты, видать, сынок, как на родине все это делается. Но что теперь, жизнь и в самом деле покажет, как дальше быть. А родной язык не забыл еще? Давай говорить о новостях по-нашему, мне так легче. В письме все не на-

пишешь, да и не мастерица я писать. Хочешь послушать про нас, про родню?

Разговоры на лезгинском затянулись до полуночи, а через день Андрей уже стоял на перроне, провожая мать домой. Она не захотела оставаться у сына дольше. Казалось, поезд никогда не двинется с места и не будет конца молчаливому стоянию у тусклого вагонного окошка, сквозь стекла которого были видны слезы на лице матери. Руками она делала какие-то знаки сыну, видимо, давала последние наставления, и вот он уже идет вслед за уходящим составом, потом бежит, а поезд все набирает скорость...

* * *

После неудачной встречи с будущей свекровью на следующий день во время перерыва между лекциями Алка делилась впечатлениями о произошедшем с подругами.

— И так от случая к случаю встречаемся, а тут еще... — раздосадованно говорила она. — И принесло же именно в такой момент...

— Надо замуж сначала выходить, вот тогда и моментов не будет, — неодобрительно будто со стороны бросила «правильная» Надежда, прислушиваясь к разговору.

— Ой, да какая разница, когда выходить! — наморщила лоб Алка и, понизив голос, добавила: — Хотя придется все-таки теперь... Не из-за его мамы, конечно... Есть у меня кое-какие сомнения.

— Алка, а вдруг ты уже беременная? — осенило Ольгу, глаза ее светились радостью.

— Не должна бы... — неуверенно возразила Алка. — Родители у меня медики, вроде знаю все, грамотная...

Но Алкин расчет оказался неверным, и совсем скоро ей во время очередного свидания в квартире пришлось сообщить новость Андрею. Его реакция была вполне предсказуема:

— Давай наконец регистрируемся и для начала с твоими родителями отметим это событие. А потом к нам поедем, — он несколько смутился: — Знаешь, лучше все пораньше сделать, у нас не принято, чтобы у невесты заметно было... Ну, ты поняла меня...

— Андрюша, — перебила Алка, — мне ведь все

равно — принято, не принято. Пока я решила так — регистрируемся тайно, это так романтично. А само, как ты говоришь, событие отметим у моих друзей на даче.

Андрей молчал.

— Ну вот, вижу по твоему лицу — недоволен! — обиженно продолжила Алка. — Но ведь хочется чего-то особенного, необычного, а просто свадьбы и так все справляют. В основном скромно, конечно, однако некоторые и в свадебные путешествия отправляются... А у нас? На поездку денег нет, квартиры тоже пока нет. — Алка с особым нажимом произнесла слово «квартира». — Зато представь: в загородном домике, лес вокруг, костер на снегу. И еще, Андрюшенька, насчет наших и ваших, — голос ее зазвучал будто бы даже ласковее, — тут уж извини. На ближайшее будущее не планирую таких экскурсий! Наслышаны про традиции и прочее. Не хочу даже вникать...

— Как же так... — Андрей нахмурился. — Мы вообще с матерью думали... Может, у нас там и жить будем? Юристы у нас нужны, работа мне будет. Дом огромный, сад тоже, лето полгода длится! Зимы, можно сказать, и нет совсем...

— Андрей, ты в своем уме?! — воскликнула Алла, всплеснув руками. — Ну какая нормальная женщина согласится на такую перемену? Надо было тебе среди своих жену искать! И вообще — у меня спросить, где я хочу жить.

— А как же наш будущий ребенок? — попытался настаивать на своем Андрей. — Ведь это все меняет!

Алка улыбнулась и поправила светлые кудряшки.

— Ну, не все меняет... Многие и без мужей справляются. Твоя мать, например, вон, троих вас одна подняла!

— Это потому, что отец погиб! Война!.. — попытался спорить Андрей. — И потом у нас все мужчины в роду помогают женщине с детьми.

— Вот и мне помогут, если что. Не переживай! — заверила Алка и начала собираться домой.

Тайная регистрация прошла и в самом деле романтично. Свадебное платье пришлось взять у однокурсницы, которое та шила сама для выпускного бала. Белые туфли всех знакомых девчонок оказались Алке велики, пришлось ре-

гистрироваться в темной обуви. Подобрали нижнее белье, какие-то мелочи купил Андрей. Впрочем, он, подрабатывая после учебы, готов был приобрести все остальное на свои деньги.

— Зачем это нужно?! — отмахивалась сметливая Алка. — Всего на один день, даже на полдня, потому что за городом ничего это не понадобится. И вообще, мне нравится кутерьма с платьем взаймы!

После регистрации вся компания отправилась на электричку, шуткам и смеху не было конца. На даче топили печь, сообща готовили еду, за столом сначала пели студенческие песни, затем перешли к Высоцкому и Окуджаве, а под вечер пошли гулять в лес. Кто-то уже затемно отправился на последнюю электричку, кто-то остался ночевать. Утром, уже в городе, Андрей и Алка расстались. Каждый отправился в свой угол. Эта маленькая тайна создавала вокруг почти вынужденной для юной жены свадьбы некий романтический ореол, хотя бы видимость чего-то необыкновенного, выходящего за рамки неинтересной повседневной жизни.

Они продолжали встречаться от случая к случаю, как и раньше, у Андрея. И в этом, по мнению Алки, тоже была своя прелесть — это вам не просто будни молодых супругов, которые почему-то называют «медовым месяцем». Поездка на родину к Андрею сама собою отложила на неопределенный срок, потому что все никак не могли с Алкиными родителями поговорить о совместном будущем. Алка и этот разговор откладывала до тех пор, пока не стала заметно изменяться ее фигурка. Наконец-то пришлось раскрыть секрет и занять одну из двух родительских комнат. Конечно, родители были в шоке, конечно, не за такого мечтали дочь выдать, но что уж теперь... Постепенно стали привыкать друг к другу, лишь Алка, периодически театрално закатывая глаза к потолку, говорила:

— Все-таки хорошо было бы в своей квартире...

— Будет со временем и у нас квартира, — успокаивал располневшую жену Андрей. — Буду дальше на стройке работать. Глядишь, лет через пять и квартиру дадут.

— Через пять?! — ужасалась Алка. — Где же справедливость?!

В начале первого семестра четвертого курса на свет появился темноволосый малыш с синими глазами. Его рождение несказанно обрадовало Андрея. Молодой муж еще весной защитил диплом, но по специальности работу не искал — надеялся получить жилье, оставшись трудиться на стройке, только теперь на полный рабочий день. Алке предстояло отучиться еще два года. Малыш принес молодой матери не столько радости, сколько хлопот. Она настояла на необычном имени — Влад. Так и потребовала записать в свидетельстве о рождении — Влад, а не Владислав. Андрей, в конце концов, согласился с ее решением, хотя не любил ничего вычурного. Женщина, заполнявшая документы на регистрацию ребенка, попыталась спорить с Алкой, мол, уменьшительное не может быть полным. Но строптивая мамаша быстро закончила ненужные препирательства, заявив, что не крестить собираются ребенка, а сделать так, как считают нужным.

Неспокойный малыш, как и положено, требовал к себе много внимания, и Алку это раздражало:

— Не понимаю, как это у мамы получается! — жаловалась она Андрею. — Качаю, качаю его, а он все плачет и плачет. Вот мама возьмет, погладит его по попке, он и замолчит...

— Она любит внука, — хмуро возразил как-то Андрей. — А на тебя посмотришь — прямо безысходность одна! Люди радуются ребенку, да еще сыну, а у нас...

Что происходит? Этот вопрос просто измучил Алку. Действительно — что это такое, быть матерью? Неужели вот так придется просидеть с ребенком года три, прежде чем отдать в садик? Нет, это невозможно! И как дальше учиться? Ему только полгода, а уже так тяжело жить! Весна приближается — и никакой радости...

Андрей чувствовал, что в семье что-то не так. Его глаза уже не светились тем блеском, который завел в свое время предусмотрительную Алку в незапланированный семейный омут. Понятно, что их комнатуха — это не своя квартира... Но даже и не бытовые сложности более всего волновали Андрея. Все чаще охватывали сомнения — разве это и есть те непреодолимые трудности, которые разрушают семьи

и даже лишают матерей естественной привязанности к собственным детям?..

В такие минуты Андрей все чаще вспоминал мать — женщину полуграмотную, но ласковую и заботливую. Мама всегда жила радостями и бедами своих детей. С Алкой всё пошло не так... Андрей знал, что родители жены начинали семейную жизнь так же, как и все, — ютились в коммуналке на общей кухне вместе с Алкиной бабушкой и только много позже получили долгожданную квартиру. «И пресловутая коммуналка не помешала им воспитать двоих детей...» — раздумывал Андрей. Теперь их старший сын отделился — тоже получил после долгих лет ожидания свою квартиру как ценный специалист в области физики. Тоже пришлось ждать. Но Аллочка не согласна на такие подвиги. Пять лет для нее — срок огромный, чуть ли не вся жизнь...

От этих раздумий, бесконечных разговоров о квартире, монотонных будней в чужой семье долгожданное супружество уже не казалось Андрею столь уж счастливым. Семейная жизнь распалась на миллион мелких забот и ссор. Хотя по большому-то счету какая разница, кто сегодня моет посуду или подметает кухню?

Отгоняя дурные мысли, Андрей пытался сохранить семью, продумывал варианты, откладывал деньги на будущее. Однажды после прогулки с сыном он обнял жену и предложил переехать на съемное жилье.

— Ты что?! — воскликнула в ответ удивленная Алка. — В следующем году диплом. Владуку и двух лет еще не исполнится. Что я без мамы делать буду? Давай лучше найдем няню.

— Если с мамой удобнее, — возразил Андрей, — то зачем няня? Будем по очереди ребенком заниматься. Деньги целее будут. А потом купим что-то нужное... Время все-таки идет. Я уже третий год на стройке. Своя квартира не за горами... Придется собственным хозяйством обзаводиться.

— Пока ждем, и жизнь пройдет! — голубые Алкины глаза излучали недоброе. — Мне сейчас жить хочется, а не существовать! Понял? Зачем думать про какое-то «обзаведение» для квартиры, которая появится неизвестно когда?

Чтобы не нарушать хрупкое равновесие, Андрей уступил. В доме появилась няня. И Алка сразу будто расцвела. Андрей на какое-то время

решил, что счастливая семейная жизнь совсем рядом. Днем с сынишкой сидела приходящая женщина, вечерами мама, а в единственный свой выходной Андрей с удовольствием возился с ребенком. И как только каждодневные страсти по отдельной квартире улеглись, Андрея наконец-то поставили в очередь на жилье. На стройке, помимо своей работы, он помогал начальству разбираться в запутанных юридических вопросах, чем и заслужил благосклонность вышестоящих. Ему даже пообещали в будущем вакансию юриста в солидном строительном тресте. Но главное — на горизонте замаячила реальная перспектива отдельного жилья. Недоверчивая и сомневающаяся Алка не столь восторженно смотрела в будущее. Да, действительно, пока удобнее жить с родителями. До окончания вуза. Но потом? Очередь в садик могла растянуться на годы. Кроме этого — вдруг Андрею на его стройке так и не дадут в обещанный срок жилье? Или дадут через много-много лет? Неужели так и придется весь свой век коротать в ожидании квартиры?

* * *

Четвертый курс оказался нелегким. Алка снова погрузилась в студенческие заботы, благо, теперь и на это можно было время выкроить. Но академический отпуск не взяла, справилась и без него — няня, родители, муж помогали.

На пятом курсе, когда сынишка подрос, Алка экстерном сдала сложные дисциплины и начала готовиться к защите диплома. Она специально сдала все пораньше, чтобы перед защитой спокойно устроить кое-какие дела. Об этих делах она пока молчала, ждала удобного случая, который никак не предоставлялся. Когда тянуть уже стало некуда, решила заранее и поспокойнее, когда родителей не было дома, начать подготовку к серьезному объяснению.

— Тебе-то, Андрюшенька, хорошо... — наигранно-завистливым голоском начала она. — Работу искать не пришлось, как был на стройке, так и остался.

— Но ведь тебе благодаря Владуку распределение вообще не грозит, — не понимая уловки жены, ответил Андрей. — Найдешь что-нибудь сама. Деньги в семье есть. Торопиться некуда.

Когда подышешь работу, тогда и ладно. Да хоть к следующей зиме! С Владиком побудешь...

Он внимательно посмотрел на жену:

— Актриса ты у меня! Признавайся, что у тебя на уме. Зачем сдавала экзамены экстерном? О муже забывать стала... Иногда думаю — один я ночью или с любимой женой?!

Алка вывернулась из его настойчивых объятий.

— Подожди, не время... Вот послушай. Я пока не представляю, что может выйти из поисков работы в нашем городе. Иногда сомневаюсь, правильно ли сделала, бросив физмат. У них нет проблем с трудоустройством...

Андрей тревожно взглянул на нее:

— Ты и вправду ничего не надумала? Я ведь сказал — спешить некуда.

— Ну что ты волнуешься, — почувствовав его беспокойство, безразлично отозвалась она. — Что тут можно надумать?

На самом деле кое-какие мысли и планы в Алкиной головке практически созрели, но кое в чем явно просчиталась. Напрасно думала, что к неприятному разговору Андрея следует подготавливать постепенно. Не получается. Андрей что-то подозревает. Может быть, лучше и в самом деле не откладывать, а прямо завтра взять да и рассказать о своих намерениях? Скоро защита, сколько можно ждать?

Как по заказу, на следующий день Андрей пришел с работы раньше, чем случалось крайне редко, и в ожидании ужина по привычке первым делом взял сынишку на руки.

По мнению Алки, после вчерашнего он должен в какой-то мере догадываться относительно возможных перемен в их семье. Она не стала разогревать ужин, а вместо этого вытряхнула содержимое платяного шкафа на кровать и начала с видом полнейшего равнодушия перебирать вещи, заметив как бы попутно и буднично:

— А хорошо, Андрюша, что ты пораньше домой пришел, надо бы поговорить...

Насторожившись, Андрей испытующе уставился на жену. Он даже не почувствовал, как малыш пухлыми ручонками стал дергать его за волосы.

— Есть новости... Сегодня на кафедре разбились с распределением. Лучшим выпускникам обещали хорошие места. А в одном из дальних районов области есть и квартира. —

Алочка выдержала подходящую к обстоятельствам паузу. — Я согласилась.

Андрей опешил, внезапно стало тяжело дышать. Он посадил Владика на кровать и сунул ему в руку погремушку.

— Как это? Какой дальний район? Как же Владик? Как я?

— Владик пока останется с родителями, — придав голосу беззаботности, ворковала Аллочка. — А ты поживешь один или со всеми. А там видно будет. Я уже говорила с мамой.

Она продолжила возиться с вещами, словно решалось нечто совершенно обыденное. От ее безучастного вида Андрею стало еще хуже, он почувствовал жар, потом застучало в голове и стало казаться, что голос жены, продолжавшей неторопливо рассказывать про дебаты на кафедре, доносится как будто издалека... До него дошли только ее последние слова:

— Ну что ты затих? И что такого я сказала? По-моему, решение правильное. Я поработаю, ты тут как-то с квартирой определишься — стоит или нет всю жизнь ожидать ее... Подумаешь, поразмыслишь, времени у тебя будет предостаточно...

— То есть как определюсь? — очнулся наконец он, заговорив торопливо, перескакивая с одного на другое. — Где мне ее взять, если я не буду стоять в очереди? И как я должен без тебя жить с твоими родителями? Или один, без Владика? Я даже не против уехать с тобой, но тогда мы теряем очередь! Хотя... Надолго ли хватит тебя? Я тут брошу все. А потом что? Снова в очередь становиться?

— Действительно... — миролюбиво согласилась Алка. — Вот ты сам и ответил на свои вопросы. И в самом деле, зачем бросать очередь? И откуда я могу знать наперед, как там у меня что сложится. Поэтому лучше, если я поеду пока одна...

— Я не совсем понимаю, что значит одна и зачем ехать вообще? — вскипел Андрей.

Он старался себя сдерживать, но волнение нарастало. Выдавало лицо, постепенно покрывавшееся красноватыми пятнами, в руках появилась слабость.

— Ты огорошила меня... Я догадывался... Но как поверить... Сам себя обманывал! Скажи честно, мы с Владиком входим в твои планы на будущее?

Он старался говорить ясно и четко, но не получалось. Мысли терялись, потом вновь собирались в некий темный круг, очерченный, казалось, чьей-то недоброй рукой. Да-да, решение, видимо, было принято давно, и детали ее отъезда обсуждались на семейном совете без его участия. Получалось, кроме Владика, он никому здесь не нужен. Почему он раньше отгонял от себя сомнения? Почему ни разу не прислушался к самому себе? Ведь поводов за последнее время было достаточно. Андрей долго стоял, прислонившись к стене, словно боялся упасть. Потом непонятная тяжесть сдавила грудь, силясь освободиться от нее, он глубоко вздохнул, выпрямился и почувствовал, как она потихоньку растворяется, уступая место незнакомой до сей поры злобе, а голос набирает силу, срываясь на крик:

— Чем я занимаюсь, по-твоему, как не квартирой?! Работаю не по специальности, весь день баранку кручу! А теперь: поживи здесь и подумай, нужно ли все это?! Признавайся — сама на распределение напросилась?! — кричал взбешенный Андрей, не обращая внимания на расплакавшегося сына.

Дверь их комнатухи приоткрылась, и в проеме показалось испуганное лицо тещи.

— Нина Алексеевна, возьмите ребенка! Не видите — плачет! — рявкнул Андрей.

Тут взвилась Алка. Ей давно уже надоели недомолвки, страх обидеть, вызвать подозрения. А срывы Андрея? Они повторяются все чаще и чаще. Он просто не замечал их или не хотел замечать. То она долго в библиотеке была, то с ребенком не погуляла, то в комнате не прибрано... Она тоже человек и устала от быта.

— Как ты смеешь кричать на мою мать! — почти прошипела она, боясь испугать криком Владика.

— Вот если бы мы жили у нас... — сдержанно начал Андрей, понимая, что напрасно накричал на тещу.

Но Алка перебила:

— Даже и не мечтай! Я никогда не поеду к твоим горцам, — торжествующе мстительно произнесла она. — Наконец-то пришло время сказать тебе об этом! И маму свою не настраивай ни на какие встречи. И вообще, почему я не имею права хотя бы на год уехать не в гости, а на работу?.. Надеюсь, ты за это время успокоишься, — Алка чеканила слова, будто объяв-

ляла приговор их семейной жизни, она воинственно стояла прямо напротив Андрея, как соперник на ринге. — Я уже все распланировала. На няню теперь сама заработаю. А ты, если считаешь свое решение правильным, я имею в виду многолетнее ожидание жилья, так денег здесь подкопишь. В квартиру много чего покупать придется. Ну а потом...

Она не договорила. От звонкой пощечины голова слегка закружилась, но Алка, едва не упав, сумела примоститься на краю кровати. Она разрыдалась, прикрывая ладонью горящую щеку. Дверь в комнату снова распахнулась — на этот раз широко, и Андрей почувствовал, как мощный поток ненависти хлынул в крохотную комнатуху, — столько неприятно было во взглядах Алкиных родителей, устремленных на него.

— Я не хотел... — пробормотал он упавшим голосом. — Не хотел...

Но его уже никто не слышал. Тут же началась беготня в кухню и обратно за водой, таблетками, каплями. Мать успокаивала Алку, отец — без остановки орущего Владика, на столе возникли бутылочки с микстурами, стаканы с разведенными в воде успокаивающими средствами. Наконец Алка, всхлипнув еще пару раз, успокоилась. В комнате висел запах валерианы и еще каких-то сердечных капель.

Бросив уничтожающий взгляд на мужа, она хлестко приказала:

— Убирайся! Неудачник!

Андрей оделся и вышел на улицу чужого города. Там было морозно и нарядно, как в тот день, когда они с Аллой справляли свою странную свадьбу. Вымотанный, опустошенный скандалом, он медленно побрел в сторону Ангарского моста, на другом берегу большого города, за мостом, жил его приятель.

От многих морозных дней уже уходящей сибирской зимы ветви деревьев были обрамлены пушистым снегом, образуя под рассеянным светом фонарей сияющее сказочное кружево. Казалось, такие снежные гирлянды опутали весь город, навечно застывший от неземной красоты и студеного недвижимого воздуха. Близилась ночь, город будто вымер — на улицах было пустынно. Андрей не спеша дошел

до большого моста, возвышавшегося над ледяной гладью, припорошенной белым покровом. Внизу под толстым слоем льда и снега спала чужая великая сибирская река, окутанная легендами. Он стоял один. Хотелось навсегда остаться здесь, слиться с могучей стихией, стать едва заметной ее частью, а потом и вовсе исчезнуть в ее бесконечности...

* * *

Услышав, как за Андреем захлопнулась входная дверь, Алка облегченно вздохнула. Конец. Свобода.

В последующие дни шли окончательные переговоры с родителями. С матерью, обожавшей внука, было легче. Сошлись на том, что после получения диплома Алка сразу уедет и будет высылать деньги на няню для Владика. Не ехать же, в самом деле, с ребенком неизвестно куда. Труднее было с отцом, считавшим узы брака незбылемыми. Однако общими усилиями и этот барьер оказался благополучно взят.

Потом был развод — самое неприятное во всей этой истории. И вот подготовка к защите с волнениями, предвкушением окончания важного и необходимого этапа в жизни. Алла теперь чаще гуляла с сыном. Прогулки уже не были ей в тягость, потому что до отъезда осталось всего ничего.

На улице происходили и встречи Андрея с сыном, в дом бывшая теща бывшего зятя не впускала. Он уже платил алименты на сына. Алка даже подумывала, что хорошо все-таки иметь под рукой пусть уже не официального, но мужа. Андрей отпускал ее в магазин или «по срочным делам», а сам гулял с Владиком.

Теперь Андрей, как и до женитьбы, жил один в съемной комнате, но обзаводиться новыми подругами не спешил. Алке рассказывали, что Андреем интересуются многие, но взаимностью он никому не отвечал. Алку это тяготило. Ведь он мужчина, в конце концов, не женщина. Неужели после нескольких месяцев одиночества ему никто не интересен, хотя бы всего на какой-нибудь единственный вечер? Чего он, собственно, ждет? Неужели надеется на примирение? Или так к Владiku привязан?..

* * *

Защита диплома прошла вполне успешно. Ничего такого особенного Алка не выдала, она, в общем-то, и не стремилась к этому, но с оценкой «отлично» все члены комиссии были согласны. Толковая Аллочка выбрала для диплома по литературе автора, чьи произведения считались даже для того времени слишком «идеологизированными». И хотя она могла взять любого писателя, ей ближе были произведения, в которых герои доказывали на деле, даже и ценою жизни, правоту своих идей, ей нравились герои-борцы.

Она не понимала Надежду, копящуюся в русской классике, населенной умными и думающими людьми, вечно занимавшимися поисками истины. Какой в этом смысл, когда самое сложное, в основном, лишь кажется таковым, а иногда вообще лежит на поверхности.

Алка быстро покончила с формальностями, и вот она — «молодой специалист», приехавший в райцентр поднимать образование и культуру. Алка постаралась распрощаться с Владиком без излишних слез. Да и чего тут реветь, если сама всё решила?.. Но предательский комок в горле все-таки застрял, когда маленький Влад, увидев ее с чемоданом в руках, как будто бы догадался о предстоящей длительной разлуке. Он заплакал, и Алка совершенно неожиданно для себя, обратившись к Нине Алексеевне, торопливо произнесла:

— Мама, пусть Владик почаще встречается с Андреем... Хотя бы на улице.

Мать, едва сдерживая слезы, согласно кивнула. «Хорошо, что все это днем происходит, и отец на дежурстве в больнице», — подумала расстроенная Алка. Она крепко обняла плачущего сынишку и почувствовала, как вздрагивают его хрупкие плечики. На мгновение захотелось остаться, схватить Владика в охапку и покружить в прихожей, как он любил. Но тут подъехало такси...

* * *

На новом месте Алку ждал неприятный сюрприз. Язык не поворачивался назвать квартирой предоставленное «молодому специалисту» жилье — ветхое, с печным отоплением и «удобствами» на улице. Впрочем, поселок, состояв-

ший преимущественно из деревянных домов и домишек, ничего другого предложить и не мог.

Сельская детвора очень отличалась от городской. Здешние ребята на уроках вели себя потише, а старшеклассники вообще смотрели на новую учительницу с нескрываемым обожанием, но вот общее развитие этих детей не шло ни в какое сравнение с городскими, с которыми Алка работала во время педпрактики.

Что касается «взрослого» окружения, то и здесь, в районе, находились энтузиасты, которые, к удивлению Алки, что-то продвигали, изучали родной край, добивались от областного начальства каких-то уступок на благо развития поселка, на создание каких-то маленьких музеев и организацию регулярного привоза дров для клуба... «Надо же, — про себя иронизировала Алка, — в такой дыре — и такие высокие помыслы! Зачем им это?»

Большинство сельчан жили скромно, но старались откладывать — кто на ремонт, кто на строительство дома или покупку вещей. Хозяйство вели по старинке — дети, огороды, скотина, лес... Алка сразу решила, что такая «романтика» не для нее.

Промаявшись с печкой осень и зиму, она подсутилась — написала начальству заявление, что ей так и не предоставили надлежащее жилье, поэтому весь трехгодовой срок она дорабатывать не намерена. Однако учебный год довести до конца заставили. Наконец, горы тетрадей, вечные замены вплоть до математики, орущая на переменах малышня — все осталось в прошлом.

И чего бы не вернуться домой?.. Но у Алки наметились другие планы... Еще в мае она наведалься в одно хорошее место, а именно в другой район, куда ее настойчиво приглашал вполне приличный и ответственный знакомый. Этот райцентр был побольше, получше, уже не школу предложили ей, а контору, уже начальство в кавалерах, а не какие-то там деревенские дыхатели, готовые бросить к ее ногам свое убогое хозяйство. Алка видела для себя хорошую перспективу и решила пока зацепиться на новом месте.

Тот самый «ответственный знакомый» оказался даже более важным местным чиновником, чем она предполагала. Он поселил хваткую приезжую в отдельную квартирку в деревянном до-

ме (лучшего свободного жилья здесь и не было), принялся дарить подарки и вскоре, совершенно покоренный ею, пообещал развестись с женой.

Но это ли удача? Для того ли она вторую зиму по районам мотается? Ребенка видела один раз — летом, когда уволилась с прежнего места работы. Владик к тому времени подросток, а осенью уже три года исполнилось. Вот и снова зима... Вторая вне дома. Вроде все и неплохо, но не то... И тут, в самый, можно сказать, разгар тяжелых раздумий, когда весеннее солнце грело все теплей, готовясь к лету, этот начальник, не решивший пока точно относительно развода с толстой женой-деревенщиной, предложил Алке командировку на конференцию по работе, и не куда-нибудь, а в Москву. Вообще-то, должен был поехать другой специалист, но он послал Алку — пусть, возможно, будущая подруга жизни отдохнет за казенный счет от серых будней.

* * *

Алка мигом собралась в Первопрестольную. Жизненный тонус буквально подскочил, настроение преобладало просто отличное. В душе поселилось томительное ожидание перемен. Перед отъездом она съездила домой повидаться с сынишкой («опять вырос!», «какой хорошенький!») и упорхнула в столицу.

Хотя в Москве она была впервые, освоилась моментально — можно сказать, по дороге в гостиницу. Господи! И кто сказал, что ей здесь нет места? Командировка планировалась всего на четыре дня, так что надо было всё успевать. Определенного плана действий относительно того, что именно необходимо «успеть», не существовало, но отведенное время подгоняло. Алка кожей чувствовала, что надо что-то предпринять и от этого зависит ее будущее.

На второй день конференции после очередной порции никому не нужных докладов Алка отправилась на выставку картин модного художника в один из лучших выставочных залов столицы. А вдруг что-то произойдет?.. Предчувствия подсказывали, что даром время потрачено не будет. Понятно, что «принцы» ходят на выставки со своими «свитами», но ведь возможны и варианты попроще... Ради Москвы можно на многое пойти. Нельзя сказать, чтобы

Алка была большой любительницей культурных ценностей. Но... не чужда... Нет, совсем не чужда... Если в меру. Да и легкое весеннее пальтишко было на ней очень красивое, по моде, хотя и перешиито из маминого зимнего бостонского, причем своими руками. Мама проносила свое пальто лет пятнадцать, пока не приобрела новое. Но куда же девать старое, да еще из бостона?.. Сообразительная Алка все распоролла, отгладила, перелицевала, и вот — модная вещица. Пошила на манер модели, которую увидела в польском журнале. А сидит-то на ней будто влитое!.. Разгуливая по московским улицам и ловя на себе любопытные женские взгляды, Алка понимала, что одета не хуже, а может быть, и лучше иных московских красавиц. К тому же столичные юнцы и солидные мужчины тоже не обходили ее своим вниманием.

В общем, на выставке и произошло знакомство с Юрием. То да се... Провожать пошел. О картинах говорили, впечатлениями делились. Долго добирались до ее гостиницы. Юрий спросил Алку о дальнейших планах по части знакомства с культурой столицы. Решили, что завтра вместе отправятся в театр, здание которого располагалось по соседству с домом, в котором он жил, причем в собственной комнате. В собственной?.. В каком доме?.. Что за комната?.. Алка потихоньку выясняла детали. Оказалось, он живет один, а не с родителями. После театра Юрий пригласил Алку на чай, пообещав отправить ее в гостиницу на такси. Алка после неплохо разыгранной сцены про «неудобно... и как же так сразу...» согласилась.

Что и говорить — когда подходили к дому Юрия, увиденное оставляло приятное впечатление. Дом большой, «сталинка» со всеми вытекающими... Можно сказать, в центре. Алка уже более благосклонно посмотрела на Юрия. А что?.. Очень даже симпатичный, такой вот интеллигентный, образованный коренной москвич. Инженер. Армию отслужил, вуз окончил, жилье какое-никакое получил. Так вот! В Москве-то! В провинции никто и не подумал бы какому-то начинающему специалисту комнату дать! А здесь — пожалуйста, проявил себя на работе — получай для начала комнату. Так что надо спешить. Времени в запасе оставалось всего ничего.

«Чашка чая» превратилась в продолжительную беседу об искусстве, литературе, в чем Юрий проявил недюжинные познания, потом заговорили о доме вообще как о семейном очаге и плавно перешли к его планам на будущее. Как выяснилось, особых планов у Юрия не было, он довольствовался тем, что есть, и был по-своему счастлив. «Непритязательный, — удовлетворенно отметила про себя Алка. — Тоже неплохо».

Комната оказалась просторной и с балконом. А вся большая трехкомнатная квартира, где проживал новоявленный знакомый, представляла собой коммуналку на трех жильцов. Одиноким старик, приезжая женщина-«лимита» с девочкой-подростком и Юрий. Алка прикинула, что рано или поздно одиноким старик уйдет в мир иной. Вот с лимитой может оказаться сложнее... И если она привезет Владика, то...

По мере продолжения оживленной беседы Алка примечала его достоинства. Любит работу, начальством не обижен, начитан, ведет себя прилично, с таким и показаться нигде не стыдно... Он же был полностью очарован и восхищен милой щебетуньей. Похлопотав в кухне, она как-то ловко сумела из его непритязательных холостяцких запасов приготовить вкусный ужин, достала из старого буфета красивые, подаренные мамой тарелки, которые он и увидел-то, можно сказать, впервые, сервировала стол. Ну а потом она томно смотрела ему в глаза, то смущаясь, то как бы призывая к более решительным действиям... И Юрий ее не разочаровал...

Вечером следующего дня довольная собой Алка, цокая каблучками, с легким чемоданчиком в руках покинула гостиницу. И вот Юрий уже машет рукой вслед уходящему на восток составу, в одном из вагонов которого уезжала она, единственная и неповторимая, милое златокудрое создание. Уезжала, между прочим, уже в статусе будущей жены. За несколько часов до ее отъезда они наведались в загс. Оказалось, имеются некоторые сложности с подачей заявления о регистрации брака, так как Алка прописана в другом городе, но эти небольшие противоречия могут быть легко преодолимы по возвращении в Москву.

* * *

Расставание с бывшим кавалером в райцентре перед переездом в столицу выдалось на удивление бурным. После отчета об участии в конференции Алка сообщила начальнику, что ей предложили на довольно продолжительное время приехать в столицу с целью дальнейшего повышения профессионального уровня. Но необходимо обязательно предъявить трудовую книжку, ни в коем случае не копию. Якобы имеется договоренность с общежитием, поэтому лучше, чтобы никакой прописки у нее не было. Но опытному «ответработнику» так просто лапшу на уши не навесить — он тотчас усмотрел неладное, не поверив ни в какое общежитие вместе с повышением профессионального уровня. Он даже не стал наводить никаких справок в Москве, а просто закатил скандал на всю контору. Сослуживцы были в восторге, они даже забыли о той несправедливости, когда в столицу за казенный счет отправили «эту выскочку», которая тут без году неделя. Скучные конторские будни благодаря истории с Алкиной поездкой в одночасье превратились в настоящее поле сражений. В пылу эмоций коллектив раскололся на две части: за нее и за него.

Алка тем временем пожалела, что налгала. Думала, как бы полегче расстаться мирным путем, мало ли что... И тут такое! Подумать только! Этот престарелый ловелас вообразил, что несчастлив подчиненную поездкой в Москву, которую она вообще-то заслужила не только приложением на рабочем месте и сообразительностью... Или он решил, что у него теперь есть полное право распоряжаться ею? И в связи с этим она должна теперь пожизненно довольствоваться скудной жизнью в захолустье? В деревянном домишке на правах наложницы? Но уж раз начала, надо доиграть пьесу до конца. Алка, выдавив слезу, пыталась внушить, что много думала о них обоих и пришла к неутешительному выводу — нечестно разбивать ради собственных, пусть даже глубоких, чувств сердце ни в чем не повинной женщины, а именно толстой жены начальника. К чему ему, известному в области руководителю, развод? А дети? А внуки, которые должны вот-вот появиться?.. Как это все будет выглядеть в глазах вышестоя-

щих?.. Последний аргумент заставил ответработника призадуматься.

Следующие несколько дней тоже были наполнены волнениями. Правда, эмоциональный накал постепенно спадал, потому что Алке все же удалось поселить в душе влюбленного без пяти минут дедушки противоречивые чувства и сомнения. Разбитые на два лагеря работники конторы в конце концов сошлись в главном — наконец-то справедливость восторжествовала! Наконец-то нашелся человек, поставивший зарвавшегося чиновника на место! А некоторые дамы радовались по-особенному. Совсем недавно каждая из них надеялась на расположение шефа, мысленно соглашалась на легкий флирт или даже некоторые уступки... И вот явилась эта городская штучка! Рухнули надежды на приятное разнообразие поселковых будней, слишком далеко зашла ситуация, в приличном обществе так не принято! Наконец-то равновесие восстанавливается! Она уезжает. Скатертью дорога!

Несмотря на сомнения, начальник осознал, что оказался униженным. Уязвленное самолюбие диктовало свои условия, он грозился «не отпускать и принять меры». Хотя единственно верное решение уже принял — нельзя допустить краха карьеры. Кроме всего, к моменту угасания страстей со стороны «стрекозы», как он именовал Алку, в контору притащилась обманутая в лучших чувствах супруга, которой не верилось в решение разлучницы укатить в столицу. Законная супруга, доселе гордо носившая свое расплывшее тело, за последнее время как будто обмякла, превратившись в сильно постаревшую тетку. Началось выяснение отношений. Кто-то из коллег ради любопытства приоткрыл дверь в комнату Алки, чтобы насладиться каждым словом пикантного скандала, который развернулся теперь до события районного масштаба.

Когда обе покинули поле сражения, незадачливый любовник, не очень-то веривший в искренность коварной изменницы, наконец-то заставил себя серьезно задуматься над «последствиями». Особенно насчет вышестоящих... Вдруг стрекоза возьмет и останется? А он, наконец, станет законным и счастливым ее обладателем? Но таким ли уж счастливым? Без должности, без повышения по службе? Дети отвернутся... Конечно, он целый год пребывал в вихре доселе не

испытанных чувств, и вот она же открыла ему глаза, можно сказать, заставила трезво посмотреть вперед, в будущее. Так ли уж оно безоблачно для него? В общем-то, она права. Лучше все оставить, как было А подчиненным приказать вести себя прилично. Иначе... не так-то просто найти в районе достойное место работы.

Алка снова мельком навестила родителей и Владика, оставила матери солидную сумму денег, которую начальник сумел ей определить по случаю окончания не совсем удавшегося романа, и упорхнула в столицу.

* * *

В столице ради нового замужества Аллочке нужно было действовать без промедления. Хотя опасаться тоже вроде бы и нечего было — Юрий с нетерпением ожидал приезда будущей супруги. После трогательной встречи он сообщил, что перед таким ответственным делом, как регистрация брака, каждому необходимо честно рассказать все о себе. «Господи, — испугалась Алка, — неужели в тюрьме сидел, а не в армии служил?» К счастью, выяснилось, что Юрий всегана всего тоже был когда-то женат и давно разведен. «И это все?!» — с облегчением рассмеялась Алка, но тут же спохватилась и осведомилась насчет алиментов. Если будущий супруг при своем небольшом заработке еще и алименты платит, тогда... Но нет, детей у Юрия не было. Она выдохнула и нежно обняла его. Спросила ласково, любил ли жену, отчего развелся. Тут Юрий отвечал туманно, всё сводилось к прозаическому: «по глупости», «характерами не сошлись». «Наверное, занудой был», — решила про себя проникательная Алка.

Не откладывая дела в долгий ящик, молодые зарегистрировались. Процедура прошла скромно, событие отметили в кафе вдвоем. Алка, помня о неудачном опыте с первой свекровью, уговорила Юрия не приглашать мать, жившую в отдельной однокомнатной квартирке. Доводы Алки были весьма убедительны: у обоих не первый брак, поэтому разные там торжества совершенно не уместны, ну и у мамы женитьба сына «на разведенной» восторга не вызвала, при этом его вторичный брак она в расчет не брала.

Зато Алкины родители были довольны. Дале-

ко дочь уехала, но все-таки к законному супругу, значит, жизнь ее снова войдет в нормальное русло. Только вот Владик... Неужели заберет его? По сути, он стал для них младшим ребенком, привык к бабушке и дедушке, и одна лишь мысль о расставании просто ужасала.

Итак, для Алки началось активное освоение новых территорий. Где-то к осени она нашла более или менее приличную работу в одном из технических вузов, где существовал редакционно-издательский отдел и специалисты, хорошо знающие русский язык, были нужны. Однако столица требовала более высокого уровня подготовки. Наблюдательная Алка чувствовала, что ее познания, к примеру в английском, который здесь, в отличие от родного города, был востребован на самых разных уровнях, не соответствуют столичным требованиям. Она вплотную занялась английским, что, впрочем, не было обременительным. Скорее, наоборот, Алка с удовольствием вспоминала подзабытые после окончания университета темы одного из любимых предметов. Сначала покупала газеты на английском, потом книги, для более свободного владения разговорной и письменной речью решила платить репетитору. Остальное не требовало сколько-нибудь серьезных усилий.

Усилия приходилось прилагать для ведения домашнего устройства. Просторная комната с большим балконом и видом на относительно спокойный квартал, несмотря на вполне приличный вид, требовала значительных средств для приведения ее в должный порядок. Юрий удивлялся — он не любил перемен и особо не утруждал себя бытовыми проблемами. Но когда в этой самой комнате появились красивые гардины на заново окрашенном окне, когда перестелили пол и покрыли его ковром, а старую мебель из комиссионки заменили на новую, к тому же более современную, он оценил умение жены создать уют и порядок даже в привычной коммуналке.

Алка пыталась, и не всегда безуспешно, внедрить свои правила и в местах общего пользования. Но трудностей хватало. Николай Петрович, пожилой сосед, вообще не понимал, зачем все это нужно, а молодая соседка попросту игнорировала замечания и просьбы по поводу соблюдения чистоты. В результате Алке самой приходи-

лось отмыывать газовую плиту на кухне, заботиться о чистоте в туалете и ванной комнате.

* * *

С Юрием жили дружно, но Алка скучала по Владике и еще по чему-то, ушедшему, как ей казалось, навсегда. Может быть, это ушедшее осталось в Сибири, откуда она так стремилась уехать?.. Она считала дни до отпуска, заранее собрала чемодан, купила подарки и в первый же день, к удивлению Юрия, улетела к родителям. Почти год прошел со времени ее расставания с сыном. Слезы градом покатились по лицу, когда она увидела, как вырос Влад, как изменилось выражение его еще совсем детского лица, а глаза ребенка смотрели на нее с интересом, но не с волнением или любовью, как она ожидала. Алка заплакала, потому что Владик не сразу подошел к ней, когда мать распахнула двери перед долгожданной гостьей. Алка поставила на пол чемодан, не в силах двинуться дальше маленькой прихожей.

— Подойди к маме! — Нина Алексеевна ласково взяла за руку внука и подвела его к Алке. — Ну же, обнимитесь!

Алка прижала к груди хрупкое тельце сынишки и, продолжая всхлипывать, то и дело заглядывала в его синие глаза. Поневоле подумалось — как похож на Андрея, только глаза не карие, как у него, а вроде бы и наши, но цвет их глубже, ярче...

Владик, почувствовав, что руки матери наконец ослабли, выскользнул из ее объятий, побежал в комнату и вернулся оттуда с букварем.

— А я уже все буквы выучил! И даже слоги умею читать. Вот, послушай.

— Молодец, — воскликнула бабушка, придерживая малыша за локоток, — но давай потом про буквы. Пусть мама разденется, душ примет...

— Нет, нет, — Алка, уместившись на маленькой табуреточке, стоявшей у входной двери, уже держала в руках букварь. — Успею раздеться. Давай показывай, что ты умеешь.

Нина Алексеевна, махнув рукой, убежала в кухню разогревать приготовленный заранее обед. И вот, как когда-то, казалось, очень-очень давно, они вдвоем, заранее покормив Владика, сидели за кухонным столом, мать и

дочь, торопливо рассказывали о новостях, расспрашивали о знакомых и родных. Изредка, стараясь не выдать себя, они бросали друг на друга изучающие взгляды, примечая малейшие изменения, произошедшие в родных чертах за год разлуки. Вечером вернулся с работы отец, и они снова сидели вместе, только уже в празднично прибранной по случаю приезда дочери общей комнате, обсуждали более важные дела, чем те, которых касались в обед. А главным за столом был теперь мужчина, он и вел речь о насущном — работе, квартире, будущем.

Владике еще днем наскучили взрослые разговоры, он быстро привык к появлению Алки, мешал, баловался, перебивал старших бесконечными вопросами, не слушая ответы. Родители особо не одергивали внука, объясняя Алке, что ребенок соскучился, в садике карантин, дома сидит целыми днями с бабушкой и так далее. Они как будто бы извинялись за поведение Владика, которого с трудом уложили спать, да и сама Алка долго ворочалась, думая о сыне, родителях и множестве неотложных дел, оставленных в Москве на время отпуска.

Через неделю Владик пошел в садик, карантин кончился, и жизнь пошла своим чередом, своим порядком, установленным родителями и Владиком, хотя он и не подозревал об этом. Ради любимого внука строго соблюдался режим дня: сон, обед, прогулки. Обязательная утренняя гимнастика, обтирания по утрам прохладным полотенцем, санки или велосипед в зависимости от времени года — бабушка с дедом всю душу вкладывали в ребенка. Благодаря всему этому Владик рос смышленным, здоровым и общительным мальчиком. Разве что любил покапризничать, понимая свою значимость для дедушки и бабушки. Алка всё это заметила, за сына беспокоиться не было повода. А что касается воспитания, так впереди вся жизнь, будет время исправить досадные огрехи. Вскоре она заговорила об отъезде, пообещав приехать где-нибудь через полгода, скорее всего на Новый год. Алка уже не рыдала при расставании, недели тесного общения с родителями и сыном оказалось вполне достаточно, все мысли и желания теперь были связаны с Москвой.

* * *

После расспросов о родительском доме за ужином, старательно, но бестолково приготовленном Юрием, нежных объятий и признаний Алка сообщила о своем решении как-нибудь в середине зимы отправиться в Сибирь вместе. Давно пора познакомиться с сыном и родителями. Муж сразу согласился. А потом при каждом случае даже стал заранее покупать подарки для Владика, кое-что — для родителей. На работе Алка была на хорошем счету, ей разрешили взять короткий зимний отпуск за свой счет, и дружная пара отправилась в дальний путь. Их визит стал похожим то ли на старомодное сватовство, то ли на такие же смотрины, ни отец, ни мать не знали, как вести себя при знакомстве с новым избранником дочери. После первых неловких часов общения Алка поняла, что разрядить обстановку, как и всегда, придется ей самой. Возможно, весь этот настрой определило поведение Владика, не приученного сдерживать свои эмоции. Когда Юрий вручал Владиду коробки с мягкими игрушками, тот заявил, что папа знает лучше, что дарить сыну, а из тех игрушек, которые привезли для него дядя и мама, он давно вырос, они для маленьких, а вот настольные игры, пожалуй, подойдут ему, хотя папины подарки гораздо интереснее. Обескураженный Юрий то краснел, то бледнел, не зная, что отвечать ребенку. Положение спасла Нина Алексеевна.

— Надо сказать «спасибо», — обратилась она с мягкой улыбкой к внуку и, глядя на Юрия, добавила: — Такой уж он независимый у нас. Извините ребенка. На самом-то деле он рад вниманию. — Она снова взглянула на внука. — Правда, Владик?

— Ну да, рад, — нисколько не смущаясь, ответил тот. — Игрушки я, пожалуй, отнесу в младшую группу. Нас-то уже к школе скоро готовить будут. — Подумав, деловито добавил: — А игры пока и самому пригодятся! Буду заниматься аккуратно, чтобы перед школой их тоже в саду оставить!

— Вот и славно, — вздохнула с облегчением Алка. — Предлагаю передохнуть немного, а потом прогуляться по морозцу.

— Я тоже с тобой, — запрыгал Владик, — санки возьмем, ты покатаешь меня, а то дедушка не

может долго... Он говорит, что я уже тяжелый.

— Дядя Юра тебя сможет долго катать, — звонко засмеялась Алка. — Ну, конечно, пойдем только с тобой. Увидишь, какой сильный у нас Юра!

— А папа еще сильнее! — с досадой отозвался Владик, натягивая теплый свитер. — Только он сейчас в командировке, хорошо, что вы приехали.

Владика постепенно подготавливали к школе. Он уже читал, умел решать простые задачки, в садике выделялся хорошим здоровьем, правда, вел себя не всегда примерно. «Задристый, неуживчивый, — любовно глядя на внука, то ли жаловалась, то ли гордилась бабушка. — Зато умнее всех, отличником будет!»

Короткий отдых Алки был все-таки несколько омрачен поведением неугомонного Владика. А еще не давали покоя разные мысли, лезшие в голову безо всякого желания их обдумывать именно сейчас. С другой стороны, когда домашние проблемы остаются где-то далеко, так и размышляешь о них реже и не с такой остротой воспринимаешь... А здесь... Да, действительно, сыну через полтора года в школу, а он так и живет с Алкиными родителями. Воспитан неважно, говорит что в голову взбредет, надо бы уже как-то определиться со всем этим, а если смотреть более приземленно, то подумать об элементарном месте для Владика в одной комнате с ними. Где он будет спать, играть, а впоследствии готовить уроки? Скорее всего, к лету его надо будет забрать в Москву, потому что до школы останется немного времени. Кое-какие намеки родителям были сделаны. Но мать и без этого все поняла, практически сразу после приезда дочери ходила расстроенная, что раздражало отца. Спустя несколько дней случайно Алка услышала их разговор.

— Ну что ты, в самом деле, волнуешься так?! Как будто Влад уедет не к матери, а вообще в чужие края!

— А в какие же? — возражала Нина Алексеевна, едва сдерживая слезы. — Здесь мы, родной отец как-никак заходит. Владик привык, наконец, к нам, к нашему укладу. А там что? Все чужое, и Юрий в том числе.

— Так это ты дочь благодари за чужого-то! — звучал твердый голос отца. — Да и сама, небось,

рада тогда была разводу. А теперь — «родной отец как-никак заходит!»! Да ладно. Не разводи сырость. А может, еще все и образуется. Думаешь, мне будет легко с внуком расставаться?!

Провожая Алку с мужем на вокзал, родители старались выглядеть дружелюбно, хотя некоторая натянутость в отношениях чувствовалась. Старались улыбаться друг другу... Только Владик ввернул-таки на прощанье:

— Вы всегда приезжайте, когда папа в командировке. А то без него мне и погулять подольше не с кем.

— Вот в Москву приедешь, будем каждый день гулять подолгу, — и, глазом не моргнув, пообещал Юрий, прощаясь с Владиком за руку, как со взрослым мужчиной.

— Ну, нет! — возразил тот. — Я лучше здесь, а в Москву в гости приеду, с бабушкой!

— Хорошо, — согласился Юрий, — дедушку тоже возьми! Может, вам понравится и насовсем в Москву переедете.

— Спасибо, — натянуто улыбнулся отец, — мы уж здесь будем век свой доживать. А вы для нас всегда желанные гости!

* * *

Вернувшись в Москву, Алка новым взглядом окинула свое жилище. Что можно предпринять в одной-единственной комнате? Хотелось не только выделить уголок для сына, но и по мере возможностей улучшить быт таким образом, чтобы как можно реже находиться на общей кухне. Тогда ей пришлось бы каждый день убирать лишь туалет и ванную комнату, а кухню, возможно, раз в неделю. Всю весну она потратила на переустройство жилья. Получилось даже уютно. С помощью тяжелых портьер и карниза, пущенного прямо по потолку, она отгородила часть комнаты вместе с окном. Здесь будут стоять стол и кровать для Влада. Портьеры утром раскрывались, что давало возможность на целый день впускать в комнату дневной свет. Часть помещения у двери она тоже отгородила — платяным шкафом. В этом уголке Алка установила небольшой кухонный стол с электроплитой и умывальником. Теперь можно было утром ополоснуть руки и лицо, не дожидаясь своей

очереди в ванной, можно было здесь же вымыть чашки, тарелки и только кастрюли и сковородки нести в общую кухню.

В телефонных разговорах с родителями Алка потихоньку стала касаться школьных проблем, а потом все настойчивее убеждала родителей в необходимости окончательно подготовить Владика к школе в Москве. Ребенок должен привыкнуть к городу, другой среде, к Юрию, наконец, который любит его, понимает и готов принять. В общем и целом дела в семье складывались совсем неплохо. Алку, несмотря на ее небольшой срок работы в вузе, уже ценили не только за хорошее знание языка и умение редактировать технические тексты, но и открытость характера, за то, что никогда не отказывалась помочь сослуживцам, в основном приедем из союзных республик большой страны. Их было немного, работали в основном на небольших должностях в надежде со временем продвинуться и остаться в столице. И, несмотря на то что русский язык преподавали в школах той же Прибалтики или Казахстана, для работы или продвижения по службе в Москве таких знаний было недостаточно. Алка помогала им за спасибо или символическую плату, искренне сочувствуя и помня о том, как совсем недавно была в Москве всего лишь гостьей. Так почему бы не помочь нуждающимся в ее консультациях, а заодно и потренироваться самой, проверить свои педагогические способности?..

Ее взаимоотношения с репетитором по английскому Ларисой постепенно переросли в дружеские. Обе были примерно одного возраста, обе замужем. У Ларисы не было детей, но пока и Алка жила без ребенка. В среде сослуживцев тем временем росла репутация Аллы Владимировны как хорошего специалиста не только по русскому языку, но и, благодаря Ларисе, по английскому. Алка оказалась прекрасной ученицей, и примерно через год усиленных занятий с нею Лариса заявила, что дальше она сможет справляться и без посторонней помощи, исключая трудные случаи. Алка и сама начала время от времени консультировать уже и по английскому за небольшие деньги. Тем не менее для семейного бюджета они всегда оказывались весьма ощутимыми.

В конце лета произошло расставание Алкиных родителей с внуком. Она не предполагала, насколько это будет тяжело для всех. Пришлось выполнить их просьбу — встретиться с Андреем в парке. Алка была удивлена — за то время, что они не виделись, бывший муж сильно сдал, можно было сказать, даже постарел. «Впрочем, что удивительного, ведь он старше меня», — пыталась сама себе возразить Алка, прекрасно понимая, в чем здесь дело.

— Ты до сих пор один? — поинтересовалась она после сухих приветствий.

— Один, — хотя ответил Андрей. — Но... Возможно, моя жизнь изменится.

— Так ведь это прекрасно! — Алка попыталась изобразить на лице легкую улыбку.

— Не знаю, — последовал ответ. — Вряд ли я смогу кого-то любить, как тебя. Чего уж теперь таиться?.. Но одному надоело, а женщина ко мне привязана, не хочется огорчать ее.

— Вернуться на родину не думаешь?

— Вначале очень хотел. А потом, когда ты окончательно уехала, не смог с Владиком расстаться, нам было бы плохо друг без друга. Вот теперь не знаю, когда свидимся с ним. Лучше было бы уехать, но моя подруга местная, да и я привык к Сибири, — устало ответил Андрей.

— Ты всегда сможешь приехать в Москву, — ободряюще подытожила беседу Алка. — Мой муж нормальный человек. Совершенно не ревнивый. Думаю, он будет не против, если ты даже у нас и остановишься, когда вся квартира будет нашей.

— Это не для меня, — усмехнулся Андрей. — Если и приеду к сыну, то деньги на гостиницу найду. Вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся. Прощай.

Не оглядываясь, он направился прочь.

Эта встреча и в самом деле оказалась для них последней.

Предстояло еще тягостное прощание с родителями, превратившееся в настоящую драму для Влада. Наконец завершилось и оно. Алка, как и родители, прониклась настроением сына, нервничала, с нетерпением ожидая последних напутственных слов матери. Только в самолете Владик успокоился, перестал плакать, детское любопытство взяло верх над безутешным горем ребенка. Он еще нигде не был, а тут — настоящий самолет

со взлетом и посадкой! Всё как в кино! Алка облегченно вздохнула. Как хорошо, что детям всегда интересно новое! Однако это касалось только дороги, все остальное вселяло в сына страх, он был всем недоволен. Влад сразу показал свой характер, лишь очутился на новом месте. Все ему было не так. Почему никто не читает на ночь книжку? Ну и что, что он умеет сам? Бабушка всегда садилась вечером у его постели и что-нибудь рассказывала или читала. Если всем некогда, то зачем привезли его сюда? Почему нельзя ходить к соседям, раз все живут в одной квартире? Споры заканчивались слезами. Влад капризничал сначала просто так, из вредности, а потом и вправду доводил себя до настоящих слез, бежал к телефону, чтобы пожаловаться бабушке. Он ни в какую не хотел сидеть в любовно обставленном для него уголке, носился по квартире допоздна, мешая соседям. Не нравились ему и дети в новом детском саду, а уж об отношениях с Юрием говорить не приходилось. Ни наказания, ни уговоры не имели никакого воздействия. У Алки не было привычки ухаживать за ребенком с первых месяцев его жизни, поэтому теперь она буквально сбивалась с ног, пытаясь угодить и сыну, и мужу. Наконец она поплакалась по телефону матери. Нина Алексеевна после отъезда внука сначала заболела, потом по настоянию мужа ушла на пенсию. Теперь стосковавшаяся по внуку бабушка решила поговорить с Алкой жестко.

— Алла, — начала она без обычных для нее предисловий, — ты не забыла, что Влад вот-вот в школу пойдет? Ты готова каждое утро готовить ему завтрак, помогать с уроками и вообще как следует к занятиям подготовить? Я чувствую, как плохо ему... Уж не говорю, что жить Владу приходится с чужим человеком...

— Это с каким же? — вспыхнула Алка. — С Юрием, что ли? То Андрей плохой был, теперь Юрий не такой! Вам прямо и не угодить!

— Да ведь ты не знаешь, что такое матерью быть!.. Ой, прости... — спохватилась Нина Алексеевна.

— Ну, во-от! — протянула Алка. — Вот мы наконец и высказались! Ничего, научусь постепенно!

— Но, Алла, согласишься... — уже примиряюще возражала мать. — Разве забыла, что с самого начала ты все старалась поменьше с сыном бывать... Больше я с ним возилась.

— Не надо было возиться, сама справилась бы! — нервничала Алка.

— Легко сказать — не надо, когда на глазах все происходило! В общем, стоит ли сейчас старое вспоминать, лучше скажи, как сосед? Ты писала, что болеет. А тебе приходится еще и за ним ухаживать...

— Да, получилось именно так. Врач говорит, все дело в его плохих сосудах. Есть у него родня какая-то дальняя. Слышала, что сын где-то живет, не в Москве, но никто из них не появляется. Раньше бывшие сотрудники по работе навещали, а теперь все реже и реже приходят. Хотя и на том спасибо. Когда женщины находят время, то делают у него капитальную уборку. Так что мир не без добрых людей, как говорится. Пока ничего страшного нет, но в дальнейшем... Если не смогу помогать ему, представляешь, что будет твориться?

— Представляю. Антисанитария. Вот и посуду, может быть, для Влада будет лучше начать первый в его жизни учебный год в привычной обстановке? — гнула своё мать. — Подумай как следует. И не забывай — я всегда свободна. Для ребенка это очень важно.

— Мама, существуют продленки, — не отступала Алка. — Ты тоже об этом не забывай.

— А ты посещала продленку? Что может дать учитель уставшим детям, когда в группе их двадцать, а то и больше? Вспомни — нам помогала моя мама, ни ты, ни брат продленку не посещали. Вот и учились хорошо, и не болели...

— Но все мы жили вместе тогда!

— Вот именно, потому что я не разводилась и не уезжала от вас!

Алка в сердцах бросила трубку. Вечером в кухне, когда они с мужем остались наедине, поделилась предложением матери.

— Сама решай, — внимательно выслушав жену, ответил Юрий. — Влад еще ладно, а вот со стариком возиться тебе. Я помогаю, сама видишь. Но я не понимаю бескорыстного стремления к идеальному порядку в комнате чужого больного человека.

— Не совсем бескорыстное... — призналась Алка. — Николая Петровича жалко, я совершенно не предполагала, что он так быстро начнет сдавать. Не такой уж и старый. Он ведь как наши родители. Может, от одиночества с

ним такое приключилось? После него ведь останется комната, — Алка многозначительно добавила: — А кому — вопрос.

— Ну... Даже и не знаю, — растерялся Юрий.

— Никому. А может достаться нам, — в голосе Алки послышались торжествующие нотки. — Особенно, если с нами будет Владик.

— Ах, вот оно что, — понял наконец Юрий. — Но сейчас-то нам и вправду нелегко. Ты все-таки подумай над предложением Нины Алексеевны. Ее слова не лишены смысла.

— Может быть, и так. Но я не представляю себе, как ребенок будет учиться в школе, живя с бабушкой и дедушкой. Это не совсем нормально при живой матери. А ты с мамой соглашаешься, потому что не любишь его.

Юрий обнял жену.

— Я готов отказаться от алиментов твоего бывшего мужа, усыновить Влада, прописать здесь и дать ему свою фамилию.

— Это правда? — Алка растроганно заглянула ему в глаза.

— Хоть завтра. Ведь я давно решил. Ты, наверное, забыла, я говорил тебе. И почему бы моей маме иногда не присмотреть за Владиком?

— Нет, это совершенно неприемлемо, — вспыхнула Алка, высвобождаясь от объятий Юрия. — Она не приходит к нам, так зачем же ей мой ребенок?

— Но ты ее никогда и не приглашаешь... — резонно заметил он.

— Это из-за взаимной неприязни, — чувствовалось, Алка была непримирима. — Ты навещаешь ее — и отлично. И вообще, у нас есть другие вопросы. Ты ведь знаешь, что алименты на Владика я переоформила на родителей. Теперь надо будет каким-то образом отказаться от них. Андрей, я уверена, будет против...

— Но он может просто так помогать сыну, никто не запрещает.

Алка понизила голос:

— Ты Андрея не знаешь, официальные выплаты — это законное подтверждение его отцовства. А помощь просто так совсем не то... В общем, надо будет как-то мирно решать этот вопрос.

— Тогда не стоит и связываться, — заключил Юрий, прислонившись к кухонному подоконнику. — Пусть все остается пока на своих местах, но я от своих обещаний не отказываюсь.

— Можно и так. Но наверняка будут проблемы со второй комнатой... — заметив неодобрительный взгляд Юрия, Алка добавила: — Ну... Когда все решится... Знаешь, что я подумала? Не поехать ли нам на Новый год в Сибирь? Мама при нас с Андреем разберется... Увидим, как он настроен. На всякий случай знать надо. Может, и не потребуются с алиментами решать в срочном порядке... А может, и потребуются...

— Я что-то не понимаю, — Юрий удивленно смотрел на жену.

— Ладно, потом... — торопливо пыталась уйти от объяснений Алка. — А сейчас важно то, что Николай Петрович пока в состоянии сам приготовить себе кашу и в туалет без посторонней помощи ходит. А я уж, когда приеду, уберу за ним как следует. Знаешь, Влад вконец замучил своими расспросами — когда да когда бабушка придет. А куда приезжать? В одну комнату со всеми вместе?

— Тебе решать, — сухо заметил Юрий. — Вообще, ты когда-то говорила, что вполне всем можно разместиться у нас... А теперь нельзя, что ли? Я к тому, что расходов много предстоит из-за поездки.

— Я кое-что заработала, — предусмотрительная Алка оживилась. — Да мама еще напомнила про деньги на Влада, про алименты. Ему на дорогу туда и обратно хватит.

Скрестив руки на груди, помрачневший Юрий обронил:

— Смотри сама, — и вышел из кухни.

* * *

Когда Влад узнал, что Новый год будет встречать, как он говорил, «дома», радости его не было предела. Дорога оказалась для всех легкой, Влад беспрекословно слушался, пребывал в хорошем настроении перед встречей с любимой бабушкой. Дедушку тоже не забывал. Когда покупали новогодние подарки, он сам в магазине выбрал для деда шарфик немислимой расцветки с цветочками и птичками. «Мы снова будем с дедушкой кормить зимой птичек! У нас кормушка во дворе установлена!» — счастливо улыбаясь, вслух мечтал сын.

Родители встречали в аэропорту. Когда Влад

бросился в объятия деда и бабушки, все стало понятно. Нина Алексеевна не могла удержать слез, но свежий морозный воздух помог поскорее справиться с волнением.

Чудесная новогодняя ночь наводила на приятные и неторопливые раздумья. После семейного застолья решили погулять по набережной Ангары, полюбоваться ее бескрайней заснеженной гладью в загадочном свете фонарей. Довольный Влад не отпускал бабушкину руку, заставлял деда играть в снежки, а под утро сладко уснул, как все взрослые, обняв своего любимца, старого кота Ваську.

Пока дочка с семьей гостила в Сибири, Нине Алексеевне удалось встретиться с Андреем. Поймала его, как часто бывало, на улице. Андрей неприязненно выслушивал ее доводы, но сначала отмалчивался.

— Тебе никуда не придется идти, все сами сделаем, — убеждала Нина Алексеевна бывшего зятя. — Но пойми, все равно Влад когда-то будет жить в Москве, там же учиться. Так пусть они его заранее, если возникнет такая необходимость, перед школой пропишут. Тем более, что у тебя собственного жилья все равно нет... Молчу, молчу! Ты говорил, что скоро появится. Извини, я забыла. Но дело-то не в этом даже. Представь только, твой Влад будет иметь законные права на жилплощадь в Москве!

Андрей задумался.

— А что, у вас он не имеет таких прав? — наконец он нарушил молчание.

— Имеет. Но ты знаешь порядки... Только после совершеннолетия... — нервно частила словами Нина Алексеевна, будто боялась, что Андрей развернется и уйдет. — А доживем ли мы до него? Но когда мать заберет сына окончательно, а все идет к тому, то в Москве он будет полноправным хозяином своей части жилплощади. Уж всяко Аллочка переживет стариков родителей. Там вопрос о наследовании стоять так остро, как здесь, не будет. Для всего этого нужна московская прописка. У нее там тоже все не так просто. Но что тебе, взрослому человеку, объяснять? Ты и так все понимаешь. И где гарантия, что мы не переедем, в конце концов, к дочери? И потом, кто тебе запрещает видеться с сыном, помогать

ему в дальнейшем?! — казалось, поток ее речи не остановить.

— Вы же сами твердите, что никогда не поедете в Москву, — напомнил Андрей. — К тому же пока, как я понял, Влад остается с вами?

Бывшая теща встрепенулась, приосанилась, и поток убеждений хлынул с новой силой:

— Пока — да. Во всяком случае, мне так кажется... Но я решила все-таки заранее поговорить с тобой... Чтобы в случае чего не возвращаться к этой теме... Чтобы при первой же необходимости в прописке Влада в Москве ты дал свое согласие безо всяких скандалов... Потому что в таком случае и от алиментов придется отказаться... Чтобы он там был полноправным членом семьи. А пока твердо не могу еще сказать: то ли до школы оставят у нас, то ли здесь в первый класс пойдет, там у них есть некоторые сложности...

— Понятно, — усмехнулся Андрей и добавил: — Давайте не торопить события. Если что-то надо будет сделать для сына, я против течения не пойду.

— Думаю, мы с тобой поняли друг друга, — Нина Алексеевна почувствовала, что главный вопрос почти решен. — Ну, ты знаешь, права матери учитываются прежде всего... Не мне объяснять юристу. Хотя никто наперед не знает, что готовит нам день завтрашний...

— Вот именно, — сдержанно подтвердил Андрей. — Надеюсь, законы изменятся и наступит наконец равноправие в вопросе — с кем должен оставаться ребенок после развода. И потом, Нина Алексеевна, мне не совсем понятно, зачем вы затеяли этот разговор. Ваши доводы резонны, но Владик еще совсем маленький.

На лице Нины Алексеевны возникла снисходительная улыбка.

— Пойми, Андрей, он маленький. Да, в этом ты прав. Но вот ты взрослый, и где твоя квартира? Сколько времени прошло, а ты все в очереди стоишь...

— Во-первых, я один, без жены и ребенка, — отчеканил Андрей, — и одному по нашим законам и понятиям общаги хватит. Во-вторых, рано или поздно дадут все равно, хотя, по большому счету, мой дом вообще не здесь.

Нина Алексеевна согласно кивнула:

— Верно, не буду докучать тебе. Но сам-то ты

здесь! Так уж получилось, ничего не исправь. Надеюсь, и ты дождешься своего часа. Может, даже и на кооператив заработаешь!..

Повисла неловкая пауза. Нина Алексеевна вдруг как-то по-матерински взглянула на бывшего зятя, голос ее дрогнул, она сказала сочувственно:

— Ты приходи к нам, Андрей... Приходи... Когда уедут.

Дома взрослые тем временем спорили и советовались, ссорились и мирились, а Влад оставался безмерно счастлив снова оказаться в привычной обстановке, во дворе, где все знакомо, в гостях у соседей, с сыном которых дружил. Влад не первый раз спрашивал, когда он пойдет в старый детский сад, но Алка все отмачивалась, а в один из посленовогодних дней за семейным завтраком, загадочно улыбнувшись, ответила:

— Может быть, и пойдешь...

Все затихли, ожидая разъяснений. Нина Алексеевна, чувствовавшая себя неважно от неопределенности, что решит дочь насчет Владика, даже привстала с немым вопросом в глазах. Остальные были не менее удивлены. Алка обвела семейство испытующим взглядом.

— Я все думаю над маминими словами насчет Влада... — начала она медленно, с расстановкой, как актриса, от которой ждут развязки остросюжетной истории. — Может быть... и стоит оставить его здесь до школы...

Сердце Нины Алексеевны заколотилось от волнения, кровь прилила к щекам.

— Конечно, — обрадованно засуетилась она, — ты приняла совершенно правильное решение. Посмотришь там, как сосед, а Влада мы после устройства в садик сразу выпишем, если возникнет такая необходимость. Да и сколько до школы осталось?! Какие-то месяцы...

— Влада можно пока и не выписывать, — снова как-то загадочно улыбнулась Алка. — Хорошо, что с Андреем ясность имеется. Мы теперь знаем, что с ним можно договориться, когда время придет. Хоть здесь здравый смысл проявил. Да, главное, мама, не покупай ничего к школе. В Москве товары лучше, все там купим.

— Хорошо, — тут же согласилась Нина Алексе-

евна. — Теперь программы тяжелые у ребят, нам тут работы с дедом хватит. Вместе подготовим ребенка к школе, ты не волнуйся.

— Мы тоже занимались с Владиком, — недовольно заметила Алка. — Он уже очень хорошо читает, считает тоже. Остальное, я думаю, в школе выучит. Иначе чем на уроках займется?.. В общем, Влад до школы здесь останется.

Влад запрыгал от восторга, родители счастливо улыбались, даже Юрий как-то разомлел от всеобщей радости и томительного ожидания непонятого для него Алкиного решения. Почему Влад остается?..

Алка неожиданно быстро засобиралась в Москву. Прощаясь с родными, она явно нервничала. Когда она и Юрий уже заняли свои места в самолете, Владик не захотел уходить сразу, ему не терпелось посмотреть, как взлетит лайнер. Втроем они остались в ожидании взлета. Алка не видела дорогих лиц из окна иллюминатора, но представила их счастливое выражение, отчего на душе стало холодно и неуютно. Она внутренне встряхнулась, отогнав нахлынувшие чувства, и стала думать о Москве и некоторых своих предчувствиях, которые как будто бы на днях и подтвердились. Юрий пока ничего не знал, да и сама она лишь с недавних пор поняла, что беременна. «Сказать сейчас или дома?» — размышляла она в самолете. Потом решила, что дома будет лучше.

* * *

Привычная московская обстановка развеяла дурное настроение, с которым Алка, заранее скучая по Владу, покидала родных. Она сообщила Юрию, что их планы на будущее, скорее всего, будут несколько осложнены.

— Чем же? — поинтересовался муж, уминая вкусный ужин, который мастерица Алка умудрилась приготовить за какие-то полчаса после распаковывания чемоданов и сумок. — Неужели ты на сей раз что-то не предусмотрела?..

— Смейся, смейся, — таинственно зашептала Алка. — Не все можно предусмотреть. Жили здесь в тесноте и на виду друг у друга, вот и случилось...

Юрий выронил вилку. Счастливая и глуповатая улыбка блуждала по его лицу:

— Неужели у нас будет дочь? — догадался он.

— Все может быть, — довольная Алка обняла его. — А если мальчик?

— Пусть будет второй сын в семье, — ответил он, — хотя лучше бы девочка. Так вот в чем дело! А я-то, непонятливый, все думаю, почему ты оставила старикам Влада?

— Ну, можно было бы и не оставлять, — прервала его Алка, после чего принялась деловито рассуждать:

— У меня декретный отпуск впереди, так что справилась бы. Дело в другом. Во-первых, неясно, как сложится с соседом. Здесь в любом случае придется взять заботы о нем на себя, иначе... сам понимаешь, — заметив недоуменный взгляд Юрия, Алка недовольно добавила: — Ну... комната... Сколько можно объяснять! Во-вторых, надо все-таки сходить к врачу и все взвесить, прежде чем принять решение...

Последняя фраза прозвучала для Юрия как угроза потерять что-то жизненно важное.

— Какое решение? Мой ребенок непременно появится на свет! Ты знаешь, я категорически против аборт! Ты должна учитывать и мое мнение.

Алка как ни в чем не бывало лишь пожала плечиками:

— Не знала, что ты настолько религиозен... Вообще-то, женщина решает.

Неожиданно Юрий буквально взвился, губы у него подрагивали, щеки покрылись красными пятнами.

— Это почему же?! На мой взгляд, женщина просто не вправе одна принимать такое серьезное решение! Ребенок общий, так почему же только ты?!

Алка не узнавала покладистого мужа. Надо же! Он иногда может быть решительным и настойчивым, кто бы мог подумать. Впрочем, на прерывание беременности она и сама не решилась бы по одной-единственной причине. Алка панически боялась больниц и всего, что связано с ними. Благо, сама отличалась неплохим здоровьем и к врачам обращалась крайне редко, даже карточку в поликлинике на новом месте жительства еще не завела.

— При чем здесь религия? — выпалил Юрий. — Я так же религиозен, как ты, как наши родители. Просто... Даже не знаю, как это определить... Нельзя насильственно прерывать чью-то жизнь!

— Еще добавь — «данную Богом», — насмешливо заметила Алка, складывая после ужина тарелки в стопку. — Не волнуйся, раз уж так получилось, будем ждать ребенка, — заверила она мужа. — Только вот не смогу я тогда Влада в первый класс проводить, если что с Николаем Петровичем случится или не сможет себя обслуживать. В общем, полная неясность. Поэтому и про Влада говорила неуверенно. А если и сосед, и роды одновременно да все в одной квартире, тогда... По подсчетам снова получается, что рожать дочку или сына буду осенью, а до этого времени многое может измениться...

— Что же делать... — облегченно вздохнул Юрий. — Твои будут только рады, да и Владик тоже. А дальнейшее... Время покажет. Главное сейчас — не волноваться.

— Ну да, — подтвердила Алка, деловито выкладывая грязную посуду в тазик рядом с умывальником. — Только как-то получается, что Влад никогда не вписывается в мои планы... Кстати, на что жить будем, если я возьму отпуск по уходу за ребенком? Давай думай. Может быть, тебе следует работу поменять?.. Что толку с того, что ты конструктор? Зарплата небольшая, льгот никаких...

Ошарашенный Юрий сначала не знал, что и возразить.

— Как это — «никаких»? А комната? — наконец воскликнул он.

— Так это давно было, — осадила его пыл толковая Алка. — Давай так. Я соглашаюсь на второго ребенка, а ты ищешь другую работу.

— Аллочка, я не могу, не хочу... Я люблю, наконец, свое дело...

Алка задумалась. Ссориться не хотелось, хотя почему она в состоянии изменить что бы то ни было для семьи, а он нет? Где справедливость? Или ее в семье вообще не бывает? Неожиданно в голову пришло единственно нормальное решение.

— Пиши заявление об уходе!

— А если подмахнут? — голос Юрия дрогнул.

— Значит, ты им не нужен, но я уверена — повысят зарплату. Вот увидишь! — у Алки явно не было и толики сомнения. — И не спорь! Сам сказал, что волноваться мне нельзя. Так что выполняй.

О предстоящем пополнении в семье Алка решила рассказать Ларисе. Знакомых в Москве было уже предостаточно, но какие-то подробности в семейной жизни Алка доверяла только Ларисе, умевшей на все посмотреть со стороны и дать дельный совет. Ей нравилась деловитость подруги, давно работавшей в школе, но сумевшей проявить себя хорошим репетитором, что давало семье возможность жить не просто безбедно, но практически не зависеть ни от начальства, ни от каких-то бытовых проблем. Они встретились в небольшом уютном кафе.

— Рассказывай, что нового? — от внимательного взгляда Ларисы не ускользнуло нечто новое в выражении лица Алки.

— Решили родить второго ребенка, — сразу выдала Алка. — Не без давления супруга согласилась. Да ты знаешь, сама страшно боюсь одного слова «аборт». Хотя определенных планов на этот счет пока не имелось... Влада надо бы в первый класс отправлять, а тут... В общем, маме его пока оставила. Из-за соседа, можно сказать...

— Можно и так сказать, — задумчиво произнесла Лариса. — Но, знаешь, дети всегда некстати. Что здесь думать... Все правильно вы решили.

— Да и в самом деле, надо бы общего ребенка завести. К тому же один все равно плохо. Но вот Владик... Никак не получается забрать его насовсем. С мамой просто наказание, чуть что — в слезы...

Лариса поставила на столик чашку с кофе, ее глаза потеплели.

— Понимаешь, — ответила она, — ты просто не можешь оценить, какое это счастье иметь детей. Вот у нас...

— Да знаю я все! — Алке не терпелось ощутить взаимопонимание, а не выслушивать нотации. — Зато ты понятия не имеешь, как все бабы постоянно опасаются беременности. Обыкновенные противозачаточные средства — и то проблема приобрести.

Лариса не обиделась и протянула мечтательно:

— А я... кажется, и десятерых родила бы, если б могла...

— Возьми ребенка из детдома, доброе дело сделаешь, — предложила Алка.

— Муж не соглашается. Боюсь остаться и без детей, и без него. Видно, судьба такая. Правда, у нас обоих есть племянники.

— Ну, не знаю, — возразила Алка, поджав губы.
— Неужели так любишь его, что готова выполнять любые приказания? Сама-то не имеешь права голоса? Мало ли что ему хочется. Просто удивительно — ты с виду такая самостоятельная!

— Только с виду. — Лариса на мгновение задумалась. — Люблю, не люблю... Привязана очень — это наверняка знаю. Еще знаю, что в случае развода одна останусь.

— Это при твоей самостоятельности и внешности? — искренне удивилась Алка.

— Да, при всем при том, — развела руками Лариса. — Такой характер. Работу могу сменить легко, квартиру, даже город... А вот мужчину... Не по моей части.

Алка была действительно удивлена таким откровением.

— Надо же... — недоуменно вырвалось у нее. — Никогда не подумала бы. Не повезло тебе по этой самой части. По мне хоть с мужем, хоть без него — нет особой разницы. Полно их кругом, мужиков этих. Но иметь мужа, а не любовника, вроде бы и лучше.

Приятельницы посидели еще чуть-чуть, и Алка заторопилась по делам, мысленно всё ещё дивясь Ларисиным откровениям. В тот день она узнала подругу с другой стороны.

В тот же день у Юрия по настоянию Алки случился разговор с начальником. Ему было неловко, стыдно просить. Заранее подбирая нужные слова и интонации, Юрий робел, но взял себя в руки, вспоминая уговор с Алкой. Стараясь как можно деликатнее объяснить шефу свое решение, он наконец произнес слово «зарплата».

— Так дело только в твоей зарплате?! — удивился недогадливый шеф.

— Получается так, — неуверенно кивнул в ответ вспотевший от волнения и унижительного стояния перед начальством Юрий.

— Ну, так это очень просто решается, надо было сразу так и сказать, — великодушно улыбнулся шеф, у которого старательный, интеллигентный Юрий всегда был на хорошем счету. — Завтра же пойду утрясать. Считаю, повышение у тебя в кармане.

— Когда? — выдавил из себя Юрий, представивший гневно-удивленное лицо жены: вот,

мол, даже о сроках не рискнул поинтересоваться, интеллигент несчастный...

— Видал, быстрый какой! — начальнику нравилось быть в меру добрым. — Обещаю — следующая зарплата будет у тебя уже с повышением.

Дома Юрий, ошарашенный тем, что смог удовлетворить требование жены, с воодушевлением пересказал ей томительный диалог, опустив, однако, подробности своего нервного и унижительного на тот момент напряжения.

— А я что тебе говорила? — торжествовала Алка, довольно посмеиваясь. — Вот теперь и в декрет можно спокойно собираться. Да и пора уже. Время поджимает, Владу уже семь исполнится, когда рожу. И так разрыв в возрасте большой.

* * *

Состояние пожилого соседа пока оставалось стабильным. «Если бы так продолжалось годик-другой, — размышляла Алка, — можно было бы и Влада забрать. Все равно в декретном отпуске сама себе хозяйка, даже при частных заработках. Вполне справилась бы с двумя детьми, если учесть, что Юрий безотказный помощник». Строя дальнейшие стратегии, обдумывая свои перспективы в отношении Николая Петровича, Алка заходила в свою комнату врача, периодически навещавшую больного.

— Понимаете... — Алка несколько замялась, не зная, как лучше начать разговор.

Внимательно оглядев округлившуюся Алку, женщина все поняла.

— Я приблизительно представляю, о чем вы хотите спросить, — она сразу перешла к делу. — Вижу, ребенка ждете.

— Вот именно, — встрепенулась Алка, — все дело как раз в этом.

— Все решается, — невозмутимо отозвалась врач. — Если некому присмотреть за ним, то можно пожилого человека определить в дом престарелых. Там и уход медицинский положен. Но свою комнату в этом случае он должен сдать государству.

Заметив Алкину растерянность, врач, снова вроде бы догадываясь, в чем дело, продолжила:

— Другой вариант, если вы хотите впоследствии стать хозяевами этой комнаты. Тогда вам необходимо взять заботы о больном на себя.

Официально, насколько мне известно. Если что, поликлиника подтвердит ваше участие. Помню, вы ведь и на приемы Николая Ивановича приводили... А подробности сами узнавайте, я не юрист.

Алку такой оборот дела устраивал, но волновал еще один вопрос — когда. Стараясь не тусоваться, она начала:

— Понимаете... у меня сын у бабушки... просто не знаю, когда его можно будет забрать...

— Я поняла вас, — невозмутимо кивнула врач. — Что могу сказать? Обычно такое состояние длится около года. Но при хорошем уходе бывает и дольше человек тянет. Кроме всего, каждый из нас индивидуален. Точных сроков вам никто не определит. Так что думайте и решайте, как вам быть в этой, прямо скажем, непростой ситуации.

Вечером Алка с нетерпением поджидала мужа с работы.

— Я сегодня дома задержалась утром, чтобы с врачом поговорить, — начала она, лишь только Юрий переступил порог квартиры. — И вот что она сказала...

Пока муж раздевался, мыл руки, Алка передала утренний разговор с врачом.

— Ну, как быть? — Юрий не спеша приступал к ужину. — Конечно, с двумя детьми мы вдвоем вполне справились бы. Но вот Николай Петрович... Может, и вправду, пусть живет в доме этом, навещать его будем...

— Этого никак допустить нельзя, что ты! — не на шутку разволновалась Алка. — Я думала, ты совет дашь нормальный, а ты...

— Что ж, — спокойно отреагировал Юрий, — ты ждешь ожидаемого совета. Я его дам, но с коррективами. Звони матери и скажи ей, что в первый класс Влад отправится у них!

— Но ведь неизвестно!..

— Вот именно! — твердо перебил муж. — И поэтому я категорически против разных там переделываний — то здесь будет Влад, то там... Тебе волноваться нельзя, кроме того, о них подумай, живут в подвешенном состоянии. Так измени ситуацию. Скажи определенно, чего им ожидать, к чему готовиться. Пусть Нина Алексеевна к нам, в конце концов, летом приедет. Ты Влада увидишь, а он тебя! Это мое последнее слово.

Хорошо, что с врачом поговорила, какая-то ясность появилась.

Алка поняла — муж прав. И родители, и сын — все будут только рады. Она поняла, что и у нее камень с души свалился. Да, так лучше, если серьезно думать о квартире. Ну и сосед... Ее беременность, да плюс уход за ним, да плюс работа до декрета... На следующий день по телефону Алка осчастливила мать приятными новостями.

* * *

Роды пришлось на конец августа, они были намного легче, чем те, когда на свет появился Влад. Уже с первых месяцев жизни маленькой девчухи было ясно, что она полностью унаследовала черты лица и даже характер Юрия. Совершенно неожиданное открытие сделала для себя Алка. Она поняла, что испытывает самые нежные чувства к Дашеньке. И это не шло ни в какое сравнение с тем, что чувствовала, когда родился Влад. «А вдруг это возраст?» — думала Алка, любуясь малышкой. Хотя... какой еще возраст?.. Может быть, когда родился Владик, она еще не была готова стать матерью?.. Но, с другой стороны, есть совсем юные мамы, вчерашние школьницы, бесконечно любящие своих детей. А, собственно, какая теперь разница? Она с обожанием глядела на ребенка, на счастливого мужа и радовалась, как в юности, когда вся жизнь была еще впереди. Девочка обещала быть здоровой, спокойной, умной, не то что раздражительный и нервный Влад. Буквально через месяц после ее рождения решено было взять няню, иначе частные уроки Алке было бы давать невозможно.

Нина Алексеевна посоветовала Юрию пока не беспокоиться относительно прописки и прочих дел, связанных с Владом. Пусть мальчик будет прописан там, где начнет учиться. «Лучше вам сейчас о малышке заботиться, — увещевала она потом дочь. — Да и Андрея зачем обижать? Они с Владом привязаны друг к другу, все же родной отец, никуда не деться от этого».

Юрий согласился, понимая теперь отцовские чувства Андрея, а Алка промолчала, хотя и была недовольна таким оборотом событий. Все-таки Юрий сверхинтеллигент. Надо же! Какое трогательное

тельное взаимопонимание с бывшим мужем собственной жены — человеком, с которым вообще-то раньше она спала! Ну, хорошо, пусть пока так все остается. Но потом, когда Влад будет здесь, положение изменится, как бы ни старались оба мужа!

Алкины родители с Владиком решили летом никуда не ездить. Далеко, утомительно, да и лучше ребенку дома отдохнуть и набраться сил перед школой. А в конце сентября Алка получила по почте первые школьные фотографии сына. Нарядный Владик в непривычно строгом костюмчике, присланном Алкой из столицы, стоял рядом с растроганными бабушкой и дедушкой, держа в руках букет цветов. Соскучившись, Алка разглядывала каждую мелочь на снимках, с радостью узнавая те вещи, которые сама заботливо выбирала для сына и отправляла посылками в Сибирь. Узнала и школу, где училась когда-то сама, теперь здесь будет заниматься ее сын. На одном из снимков она увидела рядом с Владиком бывшего мужа. Счастливый и гордый Андрей стоял позади сына во дворе школы на торжественной линейке. Да, вышло так, что во взрослую жизнь сына провожал родной отец...

Всю теплую московскую осень, стоя по утрам возле окна с Дашенькой на руках, Алка с волнением высматривала спешащих по улицам школьников и рассказывала дочке, как идут в школу первоклассники, как слушают уроки учителей и набираются ума-разума. Малышка, казалось, все понимала, переводя удивленный взгляд с Алкиного лица на улицу, и тоже провожала взглядом больших и маленьких прохожих.

Юрий много помогал по хозяйству, поэтому Алка каждый день с удовольствием гуляла с Дашенькой в большом сквере возле дома. Юрий выносил детскую коляску во двор и бежал по магазинам, потом в одиночестве ел заранее приготовленный ужин и отправлялся за Алкой и Дашенькой. Осенняя листва приятно шелестела под шинами коляски, Дашенька погружалась в сон или с интересом посматривала по сторонам. Алка удивлялась умиротворенности, поселившейся с недавних пор в ее душе. В такие минуты она ни о чем не думала, наслаждаясь тихой московской осенью с ее запахами, разноцветной листвой, первыми заморозками, напоминавшими о предстоящей зиме. «Скоро уже не удастся

гулять так долго и холода настанут. Подросший ребенок вряд ли в коляске усидит, — размышляла Алка. — Придется вдвоем выходить, вряд ли я смогу долго носить на руках Дашеньку».

С Владом она почти не выходила на улицу, разве что пока он был совсем крошкой. Все больше бабушка и Андрей сыном занимались. А что у нее, у Алки, было? Ах да, к защите готовилась, потом диплом, потом она уехала... Как давно это было. Как будто в другой жизни, как будто и не она совсем ее прожила...

Осень постепенно переходила в зиму. Как-то вечером, когда Алка с Юрием, уложив спать Дашеньку, наслаждались вечерним чаем, Юрий завел разговор о театре, где давно не были.

— Завтра пятница. Предлагаю в «Моссовет», там премьера.

— Неплохо было бы, — отозвалась Алка. — Надо с няней поговорить. Думаю, получится. Давно уж никуда не выползали.

— Это точно. Да, забыл сказать, извини. Пока ты с Дашенькой гуляла, тебе звонили из института.

— Ничего. С утра перезвоню.

Юрий встал и подошел к Дашенькиной кровати.

— Растет дочурка, — сказал он с нежностью, — смотри, скоро кровать мала станет.

Алка засмеялась.

— Это ты переборщил! Давай иди к себе, не то разбудишь ее.

Алка с дочкой спали теперь в уголке, приготовленном в свое время для Влада.

— А ты со мной пойдешь? Мы давно не были вместе, — он перешел на шепот, обняв ее за талию.

— Ну, хорошо, — смилостивилась Алка. — Но потом уйду к Дашутке. Боюсь, как бы не простудилась одна, любит одеяло сбрасывать на пол...

Утром, когда пришла няня и занялась малышкой, Алка позвонила на работу. Там ей передали телефон одного из вузов, с которым сотрудничал тот, где работала Алка. К ее изумлению, в том самом вузе, откуда ее искали, ей предложили место в аспирантуре по специальности с дальнейшим продвижением на кафедре. Конечно, имелись и свои кандидатуры, но как-то у них

вышло все не по плану, необходимо было срочно определиться, кто-то должен был занять свободное место. О ее декретном отпуске знали, но знали также, что энергии Алле Владимировне не занимать и что она долго не усидит дома, придумает что-нибудь, лишь бы не уподобиться домашней хозяйке в традиционном фартуке с козынькой на неприбранной голове.

Алка растерялась:

— Вы не против, если я отвечу хотя бы через пару дней? В понедельник... — собравшись с мыслями, ответила она. — Как-то неожиданно все... Я должна с мужем посоветоваться.

— Подождем, — любезно согласились на другом конце провода. — Но, Алла Владимировна, одна просьба — не затягивайте с ответом. Сами понимаете, упускать аспирантское место не в наших интересах.

— Хорошо, хорошо, — торопливо ответила она. — Конечно, я понимаю. Приду или перезвоню.

После ужина уставшая за день Алка, вытирая в своем кухонном закуточке тарелки, будто бы мимоходом изложила мужу детали утреннего телефонного разговора.

— Так и ответила — «перезвоню»? — Юрий даже отодвинул чашку с чаем, он был искренне удивлен. — Ты не представляешь, как тебе повезло! Ты не понимаешь, что далеко не каждому москвичу после трех лет работы предлагают аспирантуру. Нечего тут ждать, завтра же звони... Или нет, иди прямо к ним и соглашайся! Честное слово, рад за тебя... Да и дома все в порядке: няня хорошая, ребенок здоровый, можно и о себе подумать... о своем поприще...

— Подумаешь — три года! — возразила Алка. — Мне дома сразу после диплома в аспирантуру пойти предлагали, но не пошла. Кроме аспирантуры, надо еще защититься! Не забывай об этом.

— Наверное, тогда ты ошибку допустила, — примирительно заметил Юрий. — И потом — ты в Москве. Здесь-то совсем иные перспективы... Иные возможности, сама говорила!

— Я тоже имела в виду другие возможности. Предстоят немалые расходы. — Алка обернулась и испытующе посмотрела на мужа. — А что и где можно заработать в провинции? Если ты не какой-нибудь там партийный деятель или директор завода, кстати, тоже с членским

билетом, то ничего. Лариска говорит, уже давно разрешают даже и за границей работать, только и в этом случае подсуеетиться следует. А учеба детей в Москве? Это же совсем другое дело и тоже другие расходы!

— Но ты не в Москве училась, а вот аспирантуру тебе в столице предложили! — веско возразил Юрий.

— Тебя не переспорить, — Алка раскладывала посуду на сушилке. — Не было у меня планов наукой заниматься. Поговорю с Ларисой, что она скажет...

Помолчав, Юрий подытожил:

— По-моему, ты все уже решила без меня.

— Почти, — как ни в чем не бывало подтвердила Алка. — Ну, не порти настроение себе и мне! Нет причин. Пойми, другие у меня планы. Пусть учатся дальше дети влиятельных родителей, наши нам ничем не смогли помочь в этой жизни, ни денег у них лишних нет, ни жилплощади. Поэтому все вопросы быта буду решать сама. Возьми Дашеньку. Так радуется, когда ты с работы возвращаешься. А я собираться буду. Надеюсь, театр не отменен?

— Нет, не отменен. Билеты взял хорошие.

Юрий подошел к кровати на колесиках с высоким матрасом, набитым специально обработанной соломой. Чешскую кровать Алке удалось достать при помощи Ларисы. Настоящая редкость в ту пору: тугой матрас не прогибался, ребенок на нем не потел, а деревянные спинки-решетки позволяли малышке обзрывать все, что находилось вокруг. Легкую кровать, когда не было няни, Алка сама перевозила по квартире в зависимости от своих домашних забот.

Да, как Юрий и думал, она уже безо всяких его советов отказалась от предложения. Аргументы вроде убедительные. А если бы ему самому предложили? Согласился бы не раздумывая! Но раньше... В свое время как-то постеснялся попроситься в аспирантуру, считал, что недостаточно образован, надо сначала тщательно подготовиться даже к обычному собеседованию, предшествующему сдаче необходимых документов для учебы в аспирантуре... Потом неудачная женитьба сломала планы, а позже он с удивлением узнал, как один из сокурсников-троечников как раз и неплохо продвигается по этой самой научной части, а другая сокурсница

идет вперед благодаря вмешательству влиятельного мужа. И все-таки его Аллочке неслыханно повезло! Юрий готов даже продолжительное время пожить так, как они живут сейчас, не так уж и плохо. Но, видимо, у жены имеются неизвестные пока ему планы, и раз она сказала, то своего решения, ясно, не изменит.

Итак, в понедельник Алке следовало дать окончательный ответ. Ларисе позвонить, что ли?.. Но попробуй-ка найти в субботу в школе учителя, а вечерами она занята со своими иностранцами. Считай, к ночи освободится... В выходной Лариса должна была уехать на какие-то курсы, вечно ее посылали куда-нибудь повышать квалификацию. И вдруг в квартире Алки раздался звонок от университетской подруги Надежды. Несколько месяцев назад, когда Дашенька только родилась, Надежда была у нее недолго, приехав в Москву на семинар. Сейчас она снова появилась здесь и предлагала Алке увидеться.

— Конечно, приходи, — обрадовалась Алка. — Дашку увидишь, она спокойная, нам не мешает. Уж часа два точно можем посидеть и поболтать. Мне есть о чем. Посоветоваться хочу с тобой.

К вечеру появилась Надежда. Она пришла в полный восторг от Дашеньки. Пока Алка накрывала на стол в своей импровизированной кухне, Надежда играла с ребенком, расспрашивала Юрия о дочке, об увиденных спектаклях в московских театрах. Затем Юрий пошел с Дашенькой погулять перед сном, а женщины могли поговорить наедине.

— Тактичный, — одобрительно заметила Надежда. — Мой совсем другой. Ну, ладно, пока нет его, расскажу, как случайно встретила на улице Нину Алексевну с Владом. Не узнала его, так вырос, взрослый какой-то стал.

Надежда со всеми подробностями, с описаниями выражений лиц, одежды и других самых мелких деталей передала разговор между ней и Ниной Алексеевной. Выходило, что все у них неплохо. Влад обещает быть успешным в смысле оценок и усвоения школьной программы, а вот характер уже показывает. Неуживчивый. Хорошо, что дети в классе знакомые, половина детсадовских, иначе совсем тяжело пришлось бы с ним бабушке.

— То есть как — тяжело? — Алка разнервничалась, лицо предательски порозовело.

— Ну, как тебе сказать, — спохватилась Надежда, — всегда в любом классе бывают трудные дети. Это совсем не значит, что Влад не изменится. Однако пока ему нелегко привыкнуть к дисциплине и вообще к школьным порядкам. Ты знаешь, в этом отношении ничего не изменилось с тех пор, как учились мы сами. Просто одни дети быстро адаптируются, а другие нет. Зря я расстроила тебя, прости, уверена — все образуется.

— Тебе не понять, — вздохнула Алка, — твой-то при тебе.

— Так ты ведь сама уехала. Мой при мне, но мы живем и еще долго будем жить вместе с родителями. А у тебя уже своя большущая комната! Чем-то жертвовать всегда приходится. Докладывай, о чем хотела говорить со мной.

Алка выложила подруге, какое предложение ей сделали в вузе.

— Конечно, соглашайся! — воскликнула Надя. — По-моему, просто счастье так вот запросто оказаться в числе счастливых, когда без особого напряжения тебе предлагают все сразу!

— Все сразу — это что? — недоуменно повела бровью Алка.

— Ну как «что»? Считай, с твоими-то способностями карьера обеспечена! — воодушевленно начала Надежда. — Помнишь, сколько я над учебниками корпела, а тебе все с ходу давалось! Так и здесь будет, я нисколько не сомневаюсь. Ну и потом ведь это интересно, престижно, в конце концов, неужели не понимаешь? Это совсем не то, чем ты занимаешься сейчас. Редактируешь чужие нехудожественные и ненаучные, а в основном деловые тексты и все. Или методички. Но вот — на блюдечке преподнесли совсем иное. В недалеком будущем защита, преподавание, общение с молодежью и ученой элитой вуза. Ты уже один раз не воспользовалась моментом, так хотя бы сейчас не упусти свой шанс!

— Да знаю я все это! — нетерпеливо перебила подругу Алка. — Скажи лучше, сколько тебе будут платить, когда поступишь в аспирантуру, светит ли квартира или так и будете с мужем и ребенком существовать совместно с родителями в их старой двушке? Извини, но вам долго придется ждать, когда же эта двушка наконец-то ос-

вободится! Здесь, конечно, не совсем то, что в провинции, но кое-что сопоставить можно.

Надежда обиженно посмотрела на Алку, но сразу не ответила.

— Прости, — спохватилась Алка. — Как у тебя дела-то? Поступила сама или нет?

Надежда все-таки обиделась:

— Поступила. Можешь поздравить. И потом, почему ты решила, что мы будем чего-то ждать? Будем, но своего!

— Ну, хорошо, прости за бестактность. С аспирантурой поздравляю. Только не обижайся, мне в понедельник надо дать ответ, поэтому и тороплю. Давай теперь поболтаем просто так, пока Юрия с Дашкой нет. Итак, понимаю, ничего в плане заработка и квартиры никому из начинающих ученых не светит.

Уже поздно вечером, проводив подругу, Алка долго не могла уснуть, всё перебирала в мыслях разговор с Надеждой. Собственно, что нового она услышала? По сути дела, об аспирантуре и спорила ради того, чтобы с чистой совестью отказать, ведь всем известно: наука — дело неблагодарное. Но Надежда прекрасно знала, на что шла. Перебиваются теперь с мужем с хлеба на квас, потому что он тоже молодой, подающий надежды ученый-физик. Живут с ее родителями и собственным чадом, как когда-то Алка. Что впереди? Долгие годы ожидания жилья. Да, со временем, когда им будет лет по сорок, а то и больше, появятся и зарплата приличная, и квартира. Если не дадут государственную, на кооператив накопят, отказывая себе в самом необходимом. Но ждать до сорока, когда ты еще так молод?.. Хотя в провинции даже кооперативное жилье далеко не всем доступно. Тут тебе в первую очередь квадратные метры на каждого посчитают и если есть лишний метр, то все — уже не положена тебе квартира даже за свои собственные деньги. Нет, так существовать Алке не хотелось. Не для того она в Москву перебралась, где деньги заработать можно и, приложив некоторые усилия, чего-то достигнуть в плане собственного обустройства. Или в столичной аспирантуре ее ждет приличный заработок?.. Нет, конечно. Жалкая аспирантская стипендия и все, потому что надо учиться дальше, сдавать экзамены, а на дополнительный за-

работок времени не останется. Как и на что тогда растить детей? Не очень-то разбежишься на зарплату мужа-инженера.

В понедельник Алла Владимировна позвонила в вуз и отказалась от сделанного предложения.

— Что ж, очень жаль, — ответили ей. — Мы понимаем, маленький ребенок и прочее. Квартиру обещать не можем. Будем и дальше с удовольствием сотрудничать с вами.

Алка облегченно вздохнула. Не знаешь, какие сюрпризы готовит жизнь помимо твоих собственных планов. Не очень-то приятно разочаровывать расположенных к тебе людей отказами.

* * *

Приближалась следующая зима и следующий Новый год. Алка заранее позвонила матери:

— Может быть, прилетишь на праздник? Я Влада уже год не видела, так соскучилась, что и рассказать не могу... Внучку увидишь...

— Да что ты, Алла, — мать растерялась, — как отца оставить одного в семейный праздник? Мы так не привыкли...

— Так возьми билеты на второе января, как раз неделю и побудете в Москве. С отцом не приглашаю, — извиняющимся тоном добавила Алка, — разместиться негде.

— Так сама к нам! С Дашенькой! — с надеждой зазывала Нина Алексеевна.

В трубке раздавалось ее прерывистое дыхание.

— Мама, ну куда с таким маленьким ребенком? — сокрушалась Алка. — Сама подумай! Представь, какими интересными окажутся для Влада каникулы! С билетами надо решать заранее, мы все оплатим.

— Так все неожиданно... — уже сомневаясь, отступала мать.

— Мама, ну что здесь неожиданного? Год сына не видела. А до лета так далеко, сейчас хочется на Владика посмотреть, — убеждала дочь.

— Но где я буду спать? Как мы все устроимся в одной комнате? — Нина Алексеевна пустила в ход последний аргумент.

— Мама, я все предусмотрела, — успокоила Алка. — Сейчас в уголке Влада спит Дашенька, чаще всего и я с ней, кровать там удобная, достаточно широкая. А когда ты приедешь, поставим

Владу раскладушку, будет рядом с тобой отдыхать, а мы втроем на диване. Он тоже удобный и широкий. Увидишь, комната большая, для всех место найдется!

— Хорошо, подумаю. С отцом поговорить надо, — все еще неуверенно раздалось в трубке.

«Значит, приедут!» — обрадовалась Алка. Она знала, что такой ответ матери на девяносто процентов означает согласие. Остальные десять уже не в счет.

* * *

Встречи-расставания давно стали привычными для Влада. По-другому он и не представлял общение с мамой, доброй, красивой, любимой. Одно мешало — иногда она грозилась забрать его в Москву. Он уже большой, он знал, каково это — уехать от бабушки с дедушкой и от папы. Когда ребята в школе спрашивали про родителей, он научился не тушеваться. Чаще всего отвечал, как учила бабушка: «А вам какое дело? Я не спрашиваю, где ваши родители!» Зато друзьям с гордостью пояснял, что мама живет в Москве, потому что она ценный работник, ее туда позвали, а папа у него знаменитый шофер, ездит на новом грузовике. Такие машины дают не каждому шоферу, только первоклассному. В подтверждение своих слов он нередко демонстрировал и машину, и отца, когда тот приезжал за ним в школу. Если Андрей был не очень занят, то брал в кабину кого-нибудь из мальчишек покататься. Зловредные девчонки машинами не интересовались, они-то со слов своих мам знали, почему Влад живет с бабушкой и дедушкой. Однако вслух при Владике сплетничать не решались, могли за свои слова и «сдачи» от него получить.

Юрий встретил Нину Алексеевну с Владиком в аэропорту. Влад впереди всех взлетел по ступенькам на нужный этаж и, буквально ворвавшись в квартиру, бросился на шею заплаканной Алке. После первых мгновений встречи спросил, далеко ли от дома каток.

— Мне папа к Новому году коньки подарил, — с гордостью объяснял Влад. — Мы с ним уже катались. Я их с собой взял!

— Подожди, Владик, — взмолилась Нина Алексеевна, — дай бабушке в себя прийти. На-

до ведь раздеться, умыться, потом с сестренкой твоей познакомиться...

— Я знаю, знаю, что у меня есть маленькая сестренка! — закричал неугомонный и совершенно не уставший с дороги Влад. — Дядя Юра, хочу к ней!

Юрий все еще стоял в дверях. Он торопился на работу, его отпустили по случаю приезда сына (он всегда говорил «сына») и тещи, но не на весь день.

— Подожди, — сказал он. — Ты ведь взрослый, один остаешься среди девочек, так? — Влад важно кивнул в ответ. — Разденься, умойся, потом мама тебе сестричку покажет. А каток у нас прямо во дворе есть.

— Ура! — закричал Влад, разбудив Дашеньку.

Теперь уже выхода не было — Алка на руках вынесла малышку в прихожую. Даша тарасила глаза на незнакомых, но не испугалась, не плакала. Юрий, полюбовавшись на семейную идиллическую сцену, отправился на работу.

Московские каникулы оказались насыщенными. Юрий заранее купил для Влада билетов на детские спектакли, а вечерами ходил с ним на каток, и не только на дворовый, но и на большой, настоящий. Женщины старались, чтобы Влад хотя бы немного времени проводил с сестренкой, но ему это быстро надоело, поэтому ограничивались утренними совместными прогулками с коляской. Влад в это время мог еще и побегать, поиграть в снежки.

Время в Москве пролетело быстро, настал момент очередного расставания. Влад улетал домой с любимой бабушкой, Юрий, уже подуставший от шума и толкотни, хотел отдохнуть. Алка вроде тоже утомилась, занимаясь сразу с двумя детьми. Иногда ей казалось, будто что-то неосознанное постоянно ускользало, уходило от нее, оставляя в душе чувство беспокойства и надежды на туманное «завтра» или еще нечто неопределенное. «Сейчас» для Алки всегда было связано с некой неудовлетворенностью. Чем? Тем, что уже достигнуто? Вроде бы и нет. Достигнуто далеко-далеко не все. Или тем, что постоянно маячит впереди за полупрозрачной дымкой времени?..

Снова аэропорт, первый чемодан — с личными вещами, второй — с подарками и дефицитными

продуктами, консервами, апельсинами, которых, кроме как в Москве, нигде и не достать...

Обнимая сына на прощанье, Алка прошептала:

— Владик, летом приеду за тобой. Не забывай, готовься!

— Хорошо, — по-взрослому серьезно заверил Владик, — буду готовиться вместе с бабушкой и дедушкой!

Алка и Юрий не дождались, пока Нина Алексеевна и Владик покинут здание аэропорта. Их дома ждала няня, согласившаяся посидеть с Дашенькой дополнительное время.

«Хорошо, что Дашка есть», — подумала Алка, торопливо раздеваясь в прихожей. Она обняла дочку, будто не видела давным-давно.

Дальше жизнь пошла своим чередом. Все складывалось совсем даже ничего. Юрий получал теперь неплохую зарплату, Лариса поставляла Алке клиентуру, что тоже приносило хороший доход. Алка была востребована, теперь она сама ставила ученикам условия репетиторских занятий. Условия касались не только оплаты, но и места занятий. Она предпочитала, чтобы в ее комнате посторонних людей не было, поэтому обычно с утра отправлялась по нужному адресу и возвращалась к уходу няни. Время летело быстро. Не успели проводить сына и Нину Алексеевну, как уже и очередная весна на дворе. Надо до

конца учебного года сходить в школу по месту жительства, договориться о новом второкласснике, но прежде прописать наконец Влада в Москве. Все необходимо делать заранее, ведь и у Дашеньки наступал тот возраст, когда малыш встает на ножки, когда ему становится все интересно и взрослым тогда хлопот прибавляется.

— Может, с осени устроить Дашеньку в ясли? — спросила как-то Алка Юрия, уткнувшегося после ужина носом в книгу.

— Ни в коем случае, — не раздумывая, ответил он. — Маленькая совсем. Пусть и дальше няня приходит.

— Но будет и Влад с нами... — попыталась возразить Алка.

— Ничего, — успокоил Юрий. — Или побольше няне платить будем, или другую найдем.

— Хорошо, — согласилась Алка и добавила: — Только мне в этом случае придется тоже побольше работать...

— Совсем необязательно, — уверенно ответил Юрий. — Я думал над этим. Ребята предлагают дополнительный заработок, халтуру, в общем. Не пропадем.

Но можно ли в этой жизни что-то планировать? Алка еще раз убедилась, что далеко не все.

(Окончание следует)

□

Наталья Григорьевна КРАСАВЦЕВА

родилась в Петрозаводске в 1945 г.

Окончила Иркутский госуниверситет, филолог.

Жила и работала на Украине.

В Карелии с 1991 года.

Профессия — журналист.

Печаталась в региональных, российских и зарубежных СМИ.

Автор трех книжек для детей:

«Старая лошадка» (2007), «Паккайне-Морозец» (2009),

«Дедушка, Skype и Outlook Express» (2012).

Член Союза писателей России.

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

